

Розенталь П.И.

«Белостокский период в жизни ЦК Бунда»

Журнал «Архіви України». Випуск №4 (315) 2018 г. (ниже дан перевод вступительных статей публикации).

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

* Гула Оксана Григорьевна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела технологического обеспечения архивного дела Украинского научно-исследовательского института архивного дела и документоведения;

Гула Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, докторант отделения украинской историографии Института истории Украины НАН Украины.

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНА ЦК БУНДА МОИСЕЯ РАФЕСА О БЕЛОСТОКСКОМ ПЕРИОДЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ (1900-1902 годы)

Публикуются воспоминания одного из основателей Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд) – врача Моисея Рафеса. В воспоминаниях описывается структура организации, повседневная жизнь ее членов и изменения их взглядов на политическую деятельность Союза.

В фонде 41 «Еврейские политические партии и организации (Объединенный фонд (1902-1931))» **Центрального государственного архива общественных объединений Украины** хранятся документы, связанные с развитием еврейского социалистического движения. В частности, речь идет о воспоминаниях М. Рафеса, в которых освещен ранний этап идейно-организационного формирования Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунд) 1.

Автор воспоминаний - один из основателей этой организации, руководитель ее, врач по профессии Моисей Григорьевич Рафес. Родился в Вильно в 1883 г. Получил традиционное еврейское образование, затем учился в русской школе и гимназии. Во время обучения ознакомился с идеями еврейских социал-демократов и активно включился в политическую деятельность. Дважды был заключен в тюрьму и отбывал наказание.

После второго ареста (в 1916 г.) его освободили только после Февральской революции. Тогда же, как один из лидеров Центрального комитета Бунда, М. Рафес стал представителем Исполнительного комитета Петроградской Совета рабочих и солдатских депутатов. В том же 1917 г. прибыл в Киев, возглавив здесь одну из организаций Бунда. Впоследствии М. Рафес вошел в Украинскую Центральную Раду и стал членом Генерального секретариата. В начале политической карьеры он отстаивал идею о особом положении еврейского пролетариата по сравнению с представителями других национальностей. Однако, уже в 1918 г. М. Рафес перешел на позиции большевизма 2. Именно в этот период и были написаны воспоминания. Они посвящены периоду 1900-1902 гг., то есть времени, когда происходило структурное и идейное становление Бунда.

Публикуется первая часть указанного документа, а именно первые 3 параграфа, в которых освещена, прежде всего, структура тогдашней подпольной организации, повседневность активного участника революционного движения, а также самые актуальные вопросы, вызывавшие дискуссии в рядах адептов социализма.

Исследования начального периода существования Бунда начали появляться сразу после завершения Гражданской войны. И хотя В. Ленин в дореволюционных трудах проявлял по большей части неприязненное отношение к этой организации (за ее попытки получить статус автономии в составе российской социал-демократии), его точка зрения еще не считалась абсолютной истиной. В этот период были созданы труды А. Кремера 3, Н. Бухбиндера 4, А. Юдицкого 5, бывших функционеров Бунда, в

которых основное внимание уделялось раскрытию идейного и организационного развития партии, развитию местных партийных ячеек. В тот же время появился ряд трудов большевистских деятелей, целью которых было обоснование ленинского подхода к взаимоотношениям РСДРП (б) с Бундом 6.

В конце концов, с возрождением русского национализма в большевицкой идеологии с середины 1930-х годов, в советской историографии утвердилось мнение о Бунде как об узко-националистической меньшевистской фракции, стремившейся расколоть общероссийский социал-демократическое движение 7. Соответственно, исследования этой партии (не в контексте развенчания ее идеологии) большевиками были приостановлены. После распада СССР исследования этой проблематики возобновились.

Здесь стоит отметить издание сборника «Бунд: документы и материалы. 1894-1921» 8, в которую вошли воспоминания членов партии, агитационные материалы, резолюции съездов и т. Комплексная реконструкция процессов зарождения Бунда и развития сети местных организаций представлена в трудах В. Гусева 9. В то же время на сегодня не хватает исследований и публикаций источников по работе БУНДа на местах, создание низовых организаций, повседневной жизни партии. Поэтому публикация предложенного нами источника является актуальной в контексте развития историографии проблемы.

Формально Бунд был основан в сентябре 1897 г. на учредительном съезде в Вильно. Однако, уже с 1895 г. еврейские социалистические группы были связаны между собой и сконцентрированы вокруг виленского кружка. Фактически в тот самый момент Вильно превратилось в центр социал-демократии Российской империи. Через Бунд шла литература от иностранных организаций, еврейские марксисты имели прочные связи со всеми крупнейшими подпольными организациями от Петербурга до Киева. Представители Бунда участвовали в подготовке и в работе I съезда РСДРП в Минске. Бунд вырос из марксистских кружков западных губерний Российской империи. Теоретической основой объединения этих групп и кружков стал реферат Ю. Цедербаума (Ю. Мартова) – в будущем одного из лидеров фракции меньшевиков в РСДРП, прочитанный им в 1895 г. на майском празднике еврейских рабочих (свободно издан позже под названием «Поворотный пункт в еврейском рабочем движении» 10). Автор пытался представить программу преодоления неравноправия евреев в России путем проведения социалистических преобразований во всех сферах жизни общества. Уделение значительного внимания национальному вопросу в программе Бунду позже приведет к конфликтам с российской социал-демократией, в частности с большевистской фракцией.

Одним из актуальных вопросов для тогдашних политических сил революционного лагеря было отношение к применению террористических методов. С 1901 г. Бунд отказался от «экономического террора», ибо он «затемняет социал-демократическое сознание рабочих» 11. М. Рафес в воспоминаниях подверг сокрушительной критике попытку применения террористических методов ведения экономической борьбы, отдавая при этом предпочтение собственно экономическим методам, прежде всего - бойкота.

В этом документе нашло свое отражение и противостояние социал-демократии и социально-политического учения, которое позже получит название «махайевщина» (от фамилии политического деятеля Я.-В. Махайского, создавшего это учение в систематизированном виде). Это-анархистская по своей сущности теория, предусматривающая отказ рабочих от союза с интеллигенцией, поскольку последняя стремится использовать пролетариат в собственных политических целях, пренебрегая собственными интересами работников 12.

Выбор приоритета между политической и экономической борьбой являл собой центральный вопрос для тогдашних социалистов не только в России, но и в странах Западной Европы и США. Стремительный экономический рост, периодически прерывавшийся экономическими кризисами (один из них М. Рафес упоминает в воспоминаниях), все же имел следствием рост численности рабочего класса. Промышленное развитие предусматривало усложнение процессов производства, а, следовательно, и увеличение веса профессиональных, относительно высокооплачиваемых рабочих, которым

уже было что терять, кроме своих оков. Поэтому логичным выглядел примат именно экономической борьбы, которая напрямую вела к повышению уровня жизни пролетариата.

Этой логикой руководствовались не только адепты идей Э. Бернштейна относительно эволюционного пути изменения социально-экономических формаций, но и Департамент полиции. Под руководством последнего были созданы легальные рабочие организации, боровшиеся за материальное положение и декларировали отстраненность от политики. Зато Департамент полиции помогал им путем давления на предпринимателей. «Успехи» этих организаций вели к падению популярности революционного марксизма. Вот свидетельство А. Спиридовича, к тому времени сотрудника Московского охранного отделения: "Все более значительное и серьезное по работе было сослано административным порядком в Сибирь, часть же была освобождена по невинности или для нужд агентуры, или чтобы замаскировать некоторые освобождения последней категории. Много арестованных, если и не пошли сотрудничать, то были распропагандированны Зубатовым, оторваны от социал-демократии, ушли из ее рядов и решили посвятить себя легальной работе среди еврейства и бороться с "Бундом". Так была создана организация минских «независимых», очень взволновавшая революционные круги. Тогда же отошла от Бунда и пошла в легализацию группа молодых еврейских писателей, во главе с Волиным, из которых вышли фанатичные поклонники Зубатова. Зубатов внес тогда большой раскол в еврейское социал-демократическое движение, но задуть работу Бунда из Москвы не удалось» 13. Это явление получило название «зубатовщина», по фамилии изобретателя такой схемы - руководителя Московского охранного отделения С. Зубатова. В таких условиях для адепта революционного марксизма на первый план исходило утверждение приоритета политической борьбы. И тут его союзником становилась политическая система самодержавной монархии, что уже не соответствовала интересам социально-экономического развития государства и продолжала противиться попыткам ее реформирования.

Текст печатается по рукописи в авторской редакции. Подчеркнутое выделено курсивом. Примечания автора печатаются в виде сносок. Отдельные слова, написанные на языке идиш, переведены нами и оформлены в виде сносок в конце текста документа; так же оформлено объяснение некоторых специфических терминов, встречающихся в тексте.

1. ЦГАГО Украины (Центральный государственный архив общественных объединений Украины). Ф. 41. оп. 1, ед. хр. 11, л. 16–78.
2. Евреи России. Государственная политика и антисемитизм. М. Рафес. URL: <http://eleven.co.il/jews-of-russia/state-and-anti-semitism/13456/> (дата обращения: 05.07.2018).
3. Кремер А. Основание Бунда [1922 г.] // Пролетарская революция. 1922. № 11. с. 50–56.
4. Бухбиндер Н. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. Ленинград. 1925. 338 с.
5. Юдицкий А. «Бунд в Черкасском районе в 1904–1905 гг. // Летопись революции. 1923. № 5. с. 136–146.
6. Агурский С. Борьба против уклона на историческом фронте (к вопросу об исторической роли Бунда) // Пролетарская революция. 1923. №11. с. 108–117; Диманштейн С. Бунд на II съезде РСДРП// Борьба классов. 1933. №8/9. с. 106–112.
7. Шестак Ю. Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. Москва. 1980. 112 с.
8. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 / сост: Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова/. Москва. 2010. 1360 с.
9. Гусев В. К вопросу о зарождении бундовского движения в Украине (конец XIX– начало XX века): новые архивные данные// Вестник еврейского университета в Москве. 1996. №2/12. с. 104–133.; его же: Бунд в общественной жизни Украины (Конец XIX в. – 1921): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / Гусев Виктор Иванович; Киевский университет имени Тараса Шевченко. Киев, 1999. 36 с.
10. Панавас Ч. Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда(1903–октябрь1917 г.). Москва, 1972. с. 9.

11. Гула Р., Гула В. Агония Лефиафана. Часть 1. Пассионарии и юродивые. Политический террор и терроризм в Украине (1900–1914 гг.). Киев, 2016. с. 293.
12. Я.В. Махайский// Политическая история России в партиях и лицах/ сост. В. В. Шелохаев. Москва, 1994. с. 291–304.
13. Спиридович А. Записки жандарма. Москва, 1991. с. 67.

Журнал «Архіви України». Випуск № 5-6 (316-317), 2018 г.

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНА ЦК БУНДА МОЙСЕЯ РАФЕСА О БЕЛОСТОКСКОМ ПЕРИОДЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ (1900-1902 годы)

(продолжение, начало в № 4 (315) за 2018 г.)

Публикуется продолжение воспоминаний члена ЦК Бунда М. Рафеса. В приведенной части документа автор описывает выработку взглядов этой политической силы на решение национального вопроса в Российской империи, обустройство подпольных типографий, формирование руководящего состава партии. Также уделено внимание деятельности агентов охранного отделения в рядах Бунда.

Журнал «Архіви України». Випуск №1 (318), 2019 г.

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЛЕНА ЦК БУНДА ПАВЛА РОЗЕНТАЛЯ О БЕЛОСТОКСКОМ ПЕРИОДЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ (1900-1902 годы)

(продолжение, начало в № 4 (315) и № 5-6 (316-317) за 2018 г.)

*Публикуется продолжение воспоминаний члена ЦК Бунда. На основе документов ЦК Бунда и воспоминаний других членов этой организации **опровергнуто авторство М. Рафеса**. В приведенной части документа внимание уделено шифрованию корреспонденции, транспортировке литературы, организации сотрудничества с местными ячейками партии. Также автор останавливается на вопросах сотрудничества с другими революционными организациями: польской социал-демократии и Партии социалистов-революционеров.*

Ниже приводим заключительную часть воспоминаний члена ЦК Бунда, которая посвящена деятельности этой организации в 1900-1902 гг. В предыдущих публикациях автором воспоминаний мы называли М. Рафеса, однако в процессе разработки темы выяснилось, что этот документ принадлежит другому выдающемуся деятелю Бунда Павлу Исааковичу Розенталю (псевдонимы «П. Роль», «Анман», «доктор Носон»). Вывод об авторстве П. Розенталя основан как на содержании приведенных воспоминаний, так и на резолюции ЦК Бунда, посвященной III съезду организации. В приведенной ниже части воспоминаний автор много внимания уделяет шифровальному делу. Отдельно, называет себя автором работы по шифрованию, которая была издана в Женеве в 1904 г. под псевдонимом "Бундовец" 1 и приводит изобретенную им систему шифрования сообщений (которая, кстати, не представлена в указанной работе из соображений конспирации). В историографии этот труд ассоциируется именно с П. Розенталем 2. Его авторство подтверждается и воспоминаниями Г. Лурье, с которым он тесно общался, находясь в ссылке 3.

Кроме того, в резолюции ЦК Бунда, посвященной III съезду, делегатом от Белостока называется именно П. Розенталь (М. Рафес среди участников этого съезда вообще не назван) 4. Следовательно,

можем утверждать, что автором воспоминаний «Белостокский период в жизни ЦК Бунда» является П. Розенталь.

Текст воспоминаний обрывается на описании арестов, состоявшихся по завершении конференции Бунда. Тогда же был арестован и П. Розенталь.

«Я с женой были арестованы в Белостоке 31 марта 1902 года, через два дня после закрытия упомянутой Белостокской конференции, в организации которой мы способствовали и в которой я участвовал как член Центрального комитета Бунда» – так вспоминал об этом эпизоде в своей книге «Романовка» сам П. Розенталь 5. Жена П. Розенталя Анна также принимала активную участие в жизни Бунда, было делегатом от Белостока на IV съезде.

В феврале 1904 г., находясь в ссылке в Якутске, Павел и Анна приняли участие в известном «Романовском протесте»: 57 ссыльных разных политических направлений, протестуя против нарушения их прав (циркуляром Иркутского генерал-губернатора П. Кутайсова был усилен административный надзор в местах поселения политических ссыльных, отменено отправление отбывших срок из Якутии на родину за казенный счет, ограничены частные поездки ссыльных в Якутск и т. д. Две партии этапированных подверглись избиению со стороны конвоя), подняли над домом якута Романова Красное знамя и 18 суток держали оборону, не давая стрельбой приблизиться местной полиции. Именно П. Розенталь был главным противником сдачи, а впоследствии переправил за границу для публикации все основные документы и речи подсудимых «Романовского процесса».

П. Розенталь был амнистирован после выхода Манифеста от 17 октября 1905 г. Он перебрался в Вильно, где стал постоянным сотрудником, а впоследствии и членом редакций первых бундовских легальных газет «Векер» и «Фольксцейтунг». Был сторонником объединения Бунда и РСДРП в единую партию. Как газетный работник, был отстранен от местной партийной работы с целью предотвратить раскрытие нелегальной сети Бунда через агентов, следивших за редакциями легальных органов.

Во время Первой мировой войны П. Розенталь работал врачом на фронте. В декабре 1917 г. принял участие в бундовском съезде и вошел в состав ЦК как представитель левого крыла. Впоследствии П. Розенталь отошел от активного участия в политической жизни, сконцентрировавшись на публицистической деятельности. Именно в этот период, в начале 1920-х годов, и были написаны эти воспоминания. Умер П. Розенталь 29 февраля 1924 г. в Вильнюсе 6.

Воспоминания П. Розенталя являются ценным источником для изучения начального периода существования Бунда, особенно повседневной жизни этой организации. Так, автор раскрывает шифр, которым пользовался Бунд, описывает налаживание контактов с эсерами и польскими социалистами. Свидетельство П. Розенталя открывают перспективы для дальнейших исследований различных аспектов деятельности организации в начале XX века.

1. Бундовец А. Шифрованное письмо. Критика употребляемых у нас систем шифра. Женева. 1904. 113 с.
2. Уральский Ю. Расшифрованные письма из переписки редакции ленинской газеты «Искра» // Археографический ежегодник. 1983. с. 126–130.
3. Лурье Г. Ушедшим «Романовцам». Павел Исаакович Розенталь // Каторга и ссылка. №2(15). 1925. с. 236.
4. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 / сост: Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова. Москва. 2010. с. 77.
5. Цит. по: Синельников А. Шифры и революционеры России. Москва. 2000. с. 87.
6. Лурье Г. Указ соч. с. 235–245.

Державна архівна служба України
Український інститут національної пам'яті
Інститут української археографії та джерелознавства
імені М. С. Грушевського Національної академії наук України
Державний центр збереження документів НАФ

Архіви України

Науково-практичний журнал
видається з 1947 р.

№ 4 (315), 2018
липень – серпень



Київ, 2018

З М І С Т

Статті та повідомлення

<i>Смельянова Т. О.</i> Балтійський форум з обміну досвідом і передовими практиками у сфері архівування і просування аудіовізуальної спадщини	7
<i>Кот С. І.</i> Архівні документи як фактор ідентифікації і повернення втрачених культурних цінностей (на прикладі мозаїк і фресок Михайлівського Золотоверхого собору в м. Києві)	23
<i>Легасова Л. В., Філатова Н. С.</i> Електронно-картографічний проект «Місця пам'яті про Другу світову війну на адміністративно-територіальній мапі України»: проблеми джерельної бази	28
<i>Маврін О. О.</i> Археографічна передмова як відображення розвитку теоретико-методологічної думки української археографії 1940-х – 1950-х років	35
<i>Палієнко М. Г.</i> Міжнародне архівне співробітництво: від зародження ідей до реалізації масштабних проектів у добу інформаційного суспільства (до 70-річчя Міжнародної ради архівів)	49
Другий щорічний круглий стіл українських архівістів «Українські архіви: виклики та реалії» (25 вересня 2018 р., м. Київ)	64

Огляди джерел та документальні нариси

<i>Горєва В. В.</i> Особливості формування НАФ документами спортивних громадських організацій (з досвіду діяльності ЦДАГО України)	72
<i>Дубовик С. О.</i> До питання вивчення життя і творчості діячів українського дисидентського руху (на підставі особового фонду художниці Алли Горської у ЦДАМЛМ України)	83
<i>Ємчук О. І.</i> Джерела до біографії українського радянського дипломата і педагога Василя Тарасенка	91
<i>Клименко Т. А.</i> До історії Польського повстання 1863–1864 років (за документами Державного архіву Черкаської області)	97
<i>Павлова О. Ф.</i> Огляд нових надходжень документів до ЦДАМЛМ України за 2017 рік	103
<i>Тимченко Р. В.</i> Життєвий шлях та громадсько-політична діяльність Євгена Петрушевича (до 100-річчя утворення ЗУНР)	115

Публікація архівних документів

<i>Горбатюк М. В., Шнуровська Л. В.</i> Документи про консульську діяльність дипломатичного представництва УСРР у Німеччині як джерело до вивчення історії української радянської дипломатії 1920–1923 років	137
<i>Гула О. Г., Гула В. Д.</i> Спогади члена ЦК Бунду Мойсея Рафеса про білостоцький період діяльності організації (1900–1902 роки)	163
<i>Орел Ю. В.</i> Листування військового аташе при посольстві Росії у США А. К. Боде у фондах ЦДІА України, м. Київ	175
<i>Пономарьов О. М.</i> Неопубліковані документи про Коліївщину	184
<i>Срібняк І. В.</i> Становище вояків-українців групи інтернованих армії УНР у таборах Каліш та Щипіорно (Польща) навесні 1923 року (за архівними документами)	201

Інформація і рецензії

<i>Папакін Г. В.</i> Нове дослідження з теорії та історії української археології	212
--	-----

Ювілеї

<i>Кулініч Ю. Я.</i> Слово про Петра Слободянюка	217
--	-----

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

**СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ МОЙСЕЯ РАФЕСА
ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ ПЕРІОД
ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ
(1900–1902 РОКИ)**

Публікуються спогади одного із засновників Загального єврейського робітничого союзу в Литві, Польщі і Росії (Бунду) – лікаря Мойсея Рафеса. У спогадах описується структура організації, повсякденне життя її членів та зміни їхніх поглядів на політичну діяльність союзу.

Ключові слова: Бунд; соціалізм; анархізм; робітничий рух; Білосток.

У фонді 41 «Єврейські політичні партії і організації (об'єднаний фонд (1902–1931))» Центрального державного архіву громадських об'єднань України зберігаються документи, пов'язані з розвитком єврейського соціалістичного руху. Зокрема, йдеться про спогади М. Рафеса, в яких висвітлено ранній етап ідейно-організаційного формування Загального єврейського робітничого союзу в Литві, Польщі і Росії (Бунду)¹.

Автор спогадів – один із засновників цієї організації, керівник її відділень в Україні, лікар за професією Мойсей Григорович Рафес. Народився у Вільно у 1883 р. Отримав традиційну єврейську освіту, потім навчався в російській школі та гімназії. Під час навчання ознайомився з ідеями єврейських соціал-демократів і активно долучився до політичної діяльності. Двічі був ув'язнений та відбував покарання. Після другого арешту (у 1916 р.) його звільнили лише після Лютневої революції. Тоді ж, як один із лідерів Центрального комітету Бунду, М. Рафес став представником виконавчого комітету Петроградської ради робітничих і солдатських депутатів. Того ж 1917 р. прибув до Києва, очоливши одну з організацій Бунду тут. Згодом М. Рафес увійшов до Української Центральної Ради та став членом Генерального секретаріату. На початку політичної кар'єри він відстоював ідею про

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

особливе становище єврейського пролетаріату в порівнянні з представниками інших національностей. Проте, вже у 1918 р. М. Рафес перейшов на позиції більшовизму². Саме в цей період і були написані зазначені спогади. Вони присвячені періоду 1900–1902 рр., тобто часу, коли відбувалося структурне та ідейне становлення Бунду. Публікується перша частина зазначеного документа, а саме перші 3 параграфи, в яких висвітлено, насамперед, структуру тогочасної підпільної організації, повсякдення активного учасника революційного руху, а також найактуальніші питання, що викликали дискусії у лавах adeptів соціалізму.

Дослідження початкового періоду існування Бунду почали з'являтися одразу після завершення Громадянської війни. І хоча В. Ленін у дореволюційних працях виявляв здебільшого неприязне ставлення до цієї організації (через її спроби здобути статус автономії у складі російської соціал-демократії), його точка зору ще не вважалася абсолютною істиною. У цей період були створені праці А. Кремера³, Н. Бухбіндера⁴, А. Юдицького⁵ – колишніх функціонерів Бунду, в яких основна увага приділялася розкриттю ідейного та організаційного розвитку партії, розбудові місцевих партійних осередків. У той же час з'явилася низка праць більшовицьких діячів, метою яких було обґрунтування ленінського підходу до взаємовідносин РСДРП(б) із Бундом⁶. Зрештою, із відродженням російського націоналізму в більшовицькій ідеології із середини 1930-х років, у радянській історіографії утвердилася думка про Бунд як про вузьконаціоналістичну променшовицьку фракцію, що прагнула розколоти загальноросійський соціал-демократичний рух⁷. Відповідно, дослідження цієї партії не в контексті розвінчання її ідеології більшовиками були призупинені. Після розпаду СРСР дослідження цієї проблематики відновилися. Тут варто відзначити видання збірки «Бунд: документи та матеріали. 1894–1921»⁸, до якої увійшли спогади членів партії, агітаційні матеріали, резолюції з'їздів тощо. Комплексна реконструкція процесів зародження Бунду та розбудови мережі місцевих організацій представлена в працях В. Гусева⁹. У той же час на сьогодні бракує досліджень та публікацій джерел щодо роботи Бунду на місцях, створення низових організацій, повсякденного життя партії. Тому публікація запропонованого нами джерела є актуальною в контексті розвитку історіографії проблеми.

Формально Бунд був заснований у вересні 1897 р. на установчому з'їзді у Вільно. Однак, уже з 1895 р. єврейські соціалістичні групи були пов'язані між собою і сконцентровані навколо віленського гуртка. Фактично в той самий момент Вільно перетворилося в центр соціал-демократії Російської імперії. Через Бунд йшла література від закордонних організацій, єврейські марксистки мали міцні зв'язки з

усіма найбільшими підпільними організаціями від Петербурга до Києва. Представники Бунду брали участь у підготовці та в роботі I з'їзду РСДРП у Мінську.

Бунд виріс із марксистських гуртків західних губерній Російської імперії. Теоретичною основою об'єднання цих груп та гуртків став реферат Ю. Цедербаума (Ю. Мартова) – у майбутньому одного з лідерів фракції меншовиків у РСДРП, зачитаний ним 1895 р. на травневому святі єврейських робітників м. Вільно та виданий пізніше під назвою «Поворотний пункт у єврейському робітничому русі»¹⁰. Автор намагався представити програму подолання нерівноправності євреїв у Росії шляхом проведення соціалістичних перетворень в усіх сферах буття соціуму. Приділення значної уваги національному питанню у програмі Бунду пізніше призведе до конфліктів із російською соціал-демократією, зокрема із більшовицькою фракцією.

Одним з актуальних питань для тогочасних політичних сил революційного табору було ставлення до застосування терористичних методів. З 1901 р Бунд відмовився від «економічного терору», бо він «затемнює соціал-демократичну свідомість робітників»¹¹. М. Рафес у спогадах піддав нищівній критиці спроби застосування терористичних методів ведення економічної боротьби, віддаючи при цьому перевагу власне економічним методам, насамперед, бойкоту.

У цьому документі знайшло своє відображення і протистояння соціал-демократії та соціально-політичного вчення, що пізніше дістане назву «махаєвщина» (від прізвища політичного діяча Я.-В. Махайського, який створив це вчення у систематизованому вигляді). Це – анархістська за своєю сутністю теорія, що передбачає відмову робітників від союзу з інтелігенцією, оскільки остання прагне використати пролетаріат у власних політичних цілях, нехтуючи власне інтересами робітників¹².

Вибір пріоритету між політичною та економічною боротьбою являв собою центральне питання для тогочасних соціалістів не тільки в Росії, а й у країнах Західної Європи та США. Стрімке економічне зростання, що періодично переривалося економічними кризами (про один із них М. Рафес згадує у спогадах), все ж таки мало наслідком зростання чисельності робітничого класу. Промисловий розвиток передбачав ускладнення процесів виробництва, а, отже, й збільшення ваги професійних відносно високооплачуваних робітників, яким вже буде що втрачати, окрім своїх кайданів. Тому логічним виглядав примат саме економічної боротьби, що на пряму вела до підвищення рівня життя пролетаріату. Цією логікою керувалися не тільки адепти ідей Е. Бернштейна щодо еволюційного шляху зміни соціально-економічних формацій, а й Департамент поліції. Під керівництвом останнього були створені легальні робітничі організації, що боролися за покра-

щення матеріального становища та декларували відстороненість від політики. Натомість Департамент поліції допомагав їм шляхом тиску на підприємців. «Успіхи» цих організацій вели до падіння популярності революційного марксизму. Ось свідчення О. Спиридовича, на той час співробітника Московського охоронного відділення: «Все більш значне і серйозне по роботі було вислане адміністративним порядком до Сибіру, частину ж було звільнено через невинуватість або для потреб агентури, або щоб замаскувати деякі звільнення останньої категорії. Багато заарештованих, якщо й не пішли співробітничати, то були розпропагандовані Зубатовим, відірвані від соціал-демократії, вийшли з її лав і вирішили присвятити себе легальній роботі серед єврейства і боротися з “Бундом”. Так було створено організацію мінських “незалежних”, що дуже стурбувало революційні кола...Тоді ж відійшла від “Бунду” і пішла в легалізацію група молодих єврейських письменників, на чолі з Воліним, з яких вийшли фанатичні прихильники Зубатова. Зубатов вніс тоді великий розкол в єврейський соціал-демократичний рух, але придушити роботу “Бунду” з Москви не вдалося»¹³. Це явище отримало назву «зубатовщина», за прізвищем винахідника такої схеми – керівника Московського охоронного відділення С. Зубатова.

У таких умовах для адепта революційного марксизму на перший план виходило утвердження пріоритету політичної боротьби. І тут його союзником ставала політична система самодержавної монархії, що вже не відповідала інтересам соціально-економічного розвитку держави та продовжувала опиратися спробам її реформування.

Текст друкується за рукописом, у авторській редакції. Підкреслення виділено курсивом. Примітки автора друкуються у вигляді посторінкових виносок. Окремі слова, написані мовою ідиш, перекладено нами та оформлено у вигляді виносок наприкінці тексту документа; так само оформлено пояснення деяких специфічних термінів, що зустрічаються у тексті.

¹ ЦДАГО України (Центральний державний архів громадських об'єднань України). Ф. 41. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 16–78.

² Евреи России. Государственная политика и антисемитизм. Рафес Моше. URL: <http://eleven.co.il/jews-of-russia/state-and-anti-semitism/13456/> (дата звернення: 05.07.2018).

³ Кремер А. Основание Бунда [1922 г.] // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 50–56.

⁴ Бухбиндер Н. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. Ленинград. 1925. 338 с.

⁵ Юдицкий А. «Бунд» в Черкасском районе в 1904–1905 гг. // Летопись революции. 1923. № 5. С. 136–146.

⁶ *Агурский С.* Борьба против уклона на историческом фронте (к вопросу об исторической роли Бунда) // Пролетарская революция. 1923. № 11. С. 108–117; *Диманштейн С.* Бунд на II съезде РСДРП // Борьба классов. 1933. № 8/9. С. 106–112.

⁷ *Шестак Ю.* Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. Москва. 1980. 112 с.

⁸ Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 / сост. Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова. Москва. 2010. 1360 с.

⁹ *Гусев В.* К вопросу о зарождении бундовского движения в Украине (конец XIX – начало XX века): новые архивные данные // Вестник еврейского университета в Москве. 1996. № 2/12. С. 104–133.; *його ж.* Бунд в суспільно-політичному житті України (кінець XIX ст. – 1921): автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.01 / Гусев Віктор Іванович; Київський університет імені Тараса Шевченка. Київ, 1999. 36 с.

¹⁰ *Панавас Ч.* Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда (1903–октябрь 1917 г.). Москва, 1972. С. 9.

¹¹ *Гула Р., Гула В.* Агония Лефиафана. Часть 1. Пассионарии и юродивые. Политический террор и терроризм в Украине (1900–1914 гг.). Киев, 2016. С. 293.

¹² Я.-В. Махайский // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев. Москва, 1994. С. 291–304.

¹³ *Спиридович А.* Записки жандарма. Москва, 1991. С. 67.

Рафес М.

Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)

[1918–1921]

1. Белостокская организация Бунда в 1899 году.

Содержание этого очерка, с одной стороны, шире данного нами ему заглавия, с другой, – уже. Шире потому, что он охватывает по времени весь период моего пребывания в Белостоке, который начался несколько ранее и включает в себя нашу работу в местном рабочем движении, т. е. в местной организации Бунда. С другой стороны, стесненный небольшими представленными мне рамками, я вынужден быть краток и преимущественно касаюсь внешних штрихов, технических деталей, имен, дат, фактов, чтобы закрепить на бумаге то, что так легко испаряется из памяти. Описываемый промежуток имел крупное значение в жизни Бунда. Именно в эти годы зародились и получили определенное направление множество важнейших политико-общественных течений, возникли множество программных, тактических и организационных вопросов в связи с ростом революционного движения по всей России вообще и Бунде в частности. Из дальнейшего изложения это выступит с достаточной ясностью, но вследствие недостатка места, я буду останавливаться лишь в минимальной степени на их теоретическом освещении, на выяснении политических, партийных и организационных взаимоотношений, на литературных явлениях, на происхождении и сущности разногласий, на содержании дебатов.

Многое из этого заключается в тогдашней литературе*, ко многому можно будет вернуться впоследствии.

В Белосток я приехал осенью 1899 года. Удобством в моей медицинской профессии было то, что мы, по необходимости, снимали самостоятельную обывательскую квартиру, в которой можно было делать, что хотели и в которую можно было заходить во всякое время дня и ночи, не возбуждая подозрений у соседей и полиции. Невыгодной стороной было то, что «общественное положение» и открытые для публики двери затрудняло для нас посещение рабочих квартир, а во избежание нашего провала делало невозможным наше появление на массовых собраниях. Ходить на рабочие квартиры, в условиях жизни небольшого провинциального города, я мог только по вечерам, с соблюдением всяческих предосторожностей.

Ко времени нашего переезда, Белостокское еврейское рабочее движение переживало весьма трудное время. Совсем недавно перед тем, летом, политические репрессии вызвали много жертв и внесли напуганность в массы. Число организованных членов сильно упало. Видных работников стало мало. Размах агитации и пропаганды понизился, движение вообще прозябало. Но кроме того, как раз в это время свирепствовал экономический кризис, потрясший промышленность не только в этом текстильно-фабричном центре, не только по всей России, но и во всем мире. Ткацкие, прядильные и мануфактурные фабрики Белостокского района бездействовали или работали слабым темпом. Заработная плата ткачей понизилась на 1–2 копейки с мотка. Удерживать прежний добытый упорной стачечной борьбой 10 часовой рабочий день, становилось очень трудно. Лойнкетничество¹ снова подняло голову. Кризис отозвался на всей экономической жизни города, на положении ремесленных рабочих, приказчиков и т.д. Эта катастрофа произвела сильное впечатление на белостокских рабочих, в особенности, на ткачей, и она их глубоко заинтересовала также с теоретической стороны, с точки зрения познания. Действительно, настоящих экономических кризисов не было уже в течение нескольких десятков лет. Казалось, что они являются уже пройденной ступенью, как и политические революции в Зап. Европе. Многие экономисты так и смотрели на них, как на дело прошлого. И вдруг он пришел снова, этот таинственный кризис, пришел среди белого дня, неожиданный, неизвестно откуда и неизвестно почему.

Учреждения, составлявшие тогда Белостокскую организацию были следующие: сходки, агитаторское собрание и комитет. Сверх того были для целей пропаганды и различные рабочие и интеллигентские кружки, периодические «дискуссии» и непериодические массовые и немассовые собрания. Все учреждения составлялись *сверху*. Комитет подбирал самые лучшие, самые надежные, наиболее сознательные силы из рабочей среды и интеллигенции и составлял из них «агитаторское собрание». Раз возникши, оно расширялось или пополняло свой состав путем самокооперации. Это агитаторское собрание, в которое входили рабочие важнейших «фахов» организовывало в каждой профессии ячейки из наиболее развитых рабочих, которые назывались

* Рекомендуем с этой целью, между прочим, изданные впоследствии (в 1906–7 гг.) «Материалы по истории еврейского рабочего движения» вып. I и II, «За два года» т. I, собрание статей из «Искры».

сходками. Сходки не знали о существовании «Агит. Собрания». Последние не знали состава комитета. Комитеты не знали состава Центрального Комитета. Снизу доверху все было законспирировано. Инициатива политическая и экономическая передавалась сверху вниз и снизу вверх через тех членов агитаторского собрания, которые входили в состав данной сходки и считались представителями «Комитета». Комитет обыкновенно целиком входил в состав агитаторского собрания, но последнее могло лишь догадываться о том, кто входит в Комитет. Официально существовал для него лишь *представитель* Комитета, который открыто выступал, как таковой.

К функциям комитета принадлежало общее руководство движением, поддержание связи с Ц.К., делегирование представителей на Съезды и конференции, издание прокламаций, летучих листов местной газеты и т.д. еще в нашу бытность в Белостоке, Комитет стал *избираемым* «Избирательской Коллегией». Стало «Агитаторское Собрание», логически получался заколдованный круг. Коллегия составляется Комитетом, Комитет избирается Коллегией. В действительности же агитаторское собрание, раз составленное, продолжало уже жить самостоятельной организационной жизнью, за исключением редких случаев, когда в нем подозревался провокатор и когда оно вследствие этого распускалось Комитетом для составления нового из окончательно профильтрованных членов. Такие случаи напр. Имели место в Варшаве. Или в случае повального разгрома агит. собрания жандармерией, когда по поручению Ц.К. приезжали новые деятели и формировали новое агит. собрание.

Наше проникновение в недра белостокской организации Бунда свершилось *с головы*. К нашему приезду комитет состоял из трех лиц: Абрама, которого звали впоследствии любовью «Дер тате»², Бенче-ткача (фамилия его была Левин), и Хаче Мунвеса, тоже ткача. Из этих трех лиц Хаче позднее превратился в «интеллигента», изучив зубо врачебное искусство, Бенче во время мировой войны, после эвакуации Белостока, обратился в земского служащего, а Абрам дер тате в 1908 году уехал в Америку. Тогда он был настоящим «профессионалом», душой и телом отдавшимся движению, неизвестно чем питавшимся и где имевшим приют*. Преданность его работе, самоотверженность и безпритязательность не знали границ.

В один прекрасный вечер Анна пришла в сопровождении Хаче. Последний вел с собой Бенче и Абрама, и процедура вступления нашего в Комитет свершилась. Отныне он состоял из 5 членов. Я был наречен «Носоном», Анна «Юдис» – имена, которые далее нашего белостокского муравейника не получили распространения.

2. Агитаторское собрание.

Вслед за сим последовало наше вхождение в агитаторское собрание. Оно не было многолюдным. В общем число его членов не превышало 12–15 человек. Кроме нас пяти туда входили б) Рахмиил – портной, небольшого роста,

* Он был профессионалом задолго до того, как такая категория официально появилась в Бунде, но профессионалом без содержания, так как братья от организации на жизнь считались как-то зазорным. Он перебивался мелкими случайными уроками.

живой и толковый, 7) Довид – ткач, худой, вялый, без боевого темперамента, 8) Мордхай – кожевник, физически крепкий, здоровый, преданный работе, но впоследствии сильно тормозимый в этой работе своей «обывательской», не принадлежавшей к движению женой, 9) Эльке – шпулярка³, способная девушка, выдвинувшаяся после, как активная, видная деятельница, 10) Бендет – кожевник, молодой, дельный, 11) Иосель – ткач, высокий, медлительный, разсудительный, немного напоминавший «Лангзама». Было еще несколько человек, которых я сейчас не припомню. Позднее туда вошла Оля, или Хана (Анна Розенфельд, впоследствии жена Абрама Гинзбурга, на время приехавшая из Витебска в Белосток). Кооптирована была также Эсфирь Рискинд, погибшая в 1905 году трагически от взрыва бомбы, брошенной белостокскими анархистами на улице в полицейских. Временным членом агитаторского собрания был также Мойше Меер, очень видный бундовский работник, ткач, приехавший на время из Лодзи. Разумеется в состав этого собрания (и Комитета) вошел также Бейнуш (Избицкий) приехавший в конце 1900 года в Белосток из Полтавы, где он отбывал свою высылку и откуда он скрылся до окончания срока. Здесь у нас он окрещен был «Лейзером». Вошла также приехавшая позднее портниха Этка и нек. др.

Агитаторское собрание заседало обычно раз в неделю, в экстренных случаях чаще. Происходили заседания на одной из рабочих квартир в лабиринте переулков и деревянных домиков «Ханайкес» – рабочих кварталов города. Чаще всего в комнате Довида-ткача. Летом они переносились в обширный белостокский лес на одной из полян около только что проложенного Барановичского шоссе. Заседания происходили весьма живо. Вопросов было много, касавшихся и экономической борьбы и политической тактики и организационной жизни. Главные фахи, жизнь которых докладывалась и обсуждалась тут были: 1) ткачи, 2) прядильщики, 3) нуперкес⁴, 4) шереркес⁵, 5) шпуляркес, 6) гарбер⁶, 7) валкер, 8) шнайдер⁷, 9) папиросницы, 10) приказчики.

3. «Дискуссии».

Все эти лица входили также в состав весьма важного для развития социал-демократического сознания органа, который воскрес с нашим приездом и собирался тоже весьма правильно, обычно по пятницам вечером и назывался «дискуссией». Но туда входили и другие менее видные члены организации по выбору агитаторского собрания: сходочники, полуинтеллигенты, некоторые члены «интеллигентского кружка». Эти новые лица, заранее намеченные, предлагались на благоусмотрение самой «дискуссии» и, конечно, проходили там. Кроме поименованных выше членов агитаторского собрания, назовем еще двух полуинтеллигентов Хаима и Берела, которых за глаза называли «иолдами», затем некоего Бомштейна, бывшего солдата из Осовца. Было несколько работниц, нуперкес и шереркес, имен которых не припомню. В общем, число членов дискуссии доходило в начале до 15–18. Больше и нельзя было собирать по квартирным условиям. Летом и они происходили в лесу, обыкновенно по субботам, и нередко предшествовали или следовали за агитаторскими собраниями. Ни те, ни другие ни разу при нас не были накрыты. Позднее «дискуссии» были разделены на 2 группы.

Из вопросов, которые дебатировались на этих дискуссиях, я вспоминаю следующие: об экономических кризисах, о протекционизме, о политической и экономической борьбе, о стачках, о бойкоте, о демонстрациях, о политическом терроре, об экономическом терроре, о трех формах еврейского рабочего движения, о том, как держаться на допросах, о зубатовщине и независимых, о национальном вопросе, о сионизме, о П. П. С., об интеллигенции, о саморазвитии.

Все эти вопросы носили тогда самый актуальный, злободневный характер и вызывались тогдашними условиями внутренней жизни организации и внешней менее и более отдаленной среды. И богатство вопросов, из коих большинство возникали тогда *впервые*, свидетельствует о возрастающем усложнении политической жизни и партийных и внепартийных отношений.

Первые две темы стояли, конечно, в прямой связи с экономическим кризисом. Значение протекционизма обсуждалось в связи с ролью иностранного капитала (вопрос, усердно обсуждавшийся тогда в легальной печати), выводящего отсталое промышленное государство из того тупика, в который вводит его система протекционизма. Взаимоотношение между политической и экономической борьбой было любимой темой того периода, когда подымалась волна протеста против «экономизма» и «станкизма», когда начиналась страстная полемика в Швейцарии между группой Плеханова и «Союзом русских с.д. за границей» и зарождалась «Искра». Соответственно этому дискутировалось и пересматривалось значение стачек. Бойкот, как форма экономической борьбы, был поставлен на обсуждение в связи со статьей на эту тему в польском «Robotnik». Дебаты о нем оставили такой след в членах организации, что при первом же подходящем случае он был пущен в дело. Это имело место по отношению к белостокской табачной фабрике Яновского, у которого работало около 300 евр. работниц. Он уволил несколько десятков папиросниц и заменил их крестьянскими девушками в расчете, что те будут более податливыми. Вместо забастовки, которая обошлась бы весьма дорого и повлекла бы, быть может, окончательное вытеснение еврейских работниц, организация провозгласила бойкот всем произведениям его фабрики. Об этом было выпущено несколько печатных прокламаций. Об этом повели усиленную агитацию словесно в городе и окружающих местечках. Об этом дали знать во все соседние города, где находили сбыт его папиросы. Бойкот имел полный успех. Агитации, несомненно, в значительной степени способствовала национальная подкладка этого конфликта, вследствие чего и мелкая буржуазия еврейская с готовностью покупала папиросы Шерешевского вместо изделий Яновского. Последний пошел на уступки. Евр. папиросницы были возвращены. Был выпущен новый листок о победе и о прекращении бойкота. Как курьез отмечу, что по поводу последнего листка от некоторых членов организации исходили упреки, что не следовало рисковать печатанием и распространением листков, цель которых содействовать Яновскому в продаже его папирос.

Демонстрации тогда начинали становиться привычным проявлением нарастающего революционного настроения. В Белостоке это проявилось 2 марта 1901 года по поводу смерти одного рядового деятеля движения – щетинщика. С необычайной быстротой была созвана рабочая масса и за катафалком совер-

шенно неизвестного рабочего двинулась двухтысячная толпа. Город смотрел с изумлением на эту невиданность. И как раз на следующий день в Петербурге на Казанской площади разыгралась знаменитая студенческая демонстрация, сопровождавшаяся свирепыми избиениями. За ними последовали демонстрации в других городах. Случайно и независимо Белосток приобщился к великой демонстрационной волне, пронесшейся по стране.

В Белостоке демонстрация обошлась благополучно. В Питере, как месть за полицейские зверства и отдачу студентов в солдаты последовал выстрел Карповича, уложивший министра народного просвещения Боголепова. Политический террор подымал свою голову и на арене политической жизни возрождала традиции Народной Воли новоявленная партия социалистов-революционеров. Поэтому политический террор, как система борьбы, была предметом дискуссии и притом весьма жаркой.

Равным образом и другой террор – экономический вызывал горячие дебаты, так как в Белостоке он и раньше довольно часто применялся рабочими по отношению к легко доступным для такого рода воздействиям лойнкетникам и штрейкбрехерам. Обычными формами такого террора были побои, разбивание стекол в квартире, обливание серной кислотой. Даже весьма сознательные рабочие не находили в этих приемах ничего предосудительного и уверяли, что без них нельзя будет достигать успеха. Недаром, в том же Белостоке так пышно расцвел анархизм, когда в 1904–1906 гг. политическая борьба достигла апогея. В последние месяцы нашего пребывания в Белостоке туда приехал вернувшийся из ссылки в Сибири виленский рабочий молодой парень Иоська לייטו⁸, необыкновенно горячий, готовый в любой момент уткнуть противника кинжалом, с которым он не расставался. Немедленно по приезде он нашел себе компанию и занялся агитацией низкопробного анархизма, которая находила кой у кого отклик. Много вреда наделал позднее белостокскому движению этот грубый, звериный «анархизм», весьма понравившийся местной организации «жуликов»*. В бурную эпоху первой русской революции он дал пышные всходы в лице «экспроприаторов» и «комбинаторов».

Анархизм был поэтому тоже темой на дискуссиях.

Постановка на обсуждение вопроса о зубатовщине и «независимых» понятна, если вспомнить, что именно в эти годы зародилось и пережило себя это охранно-рабочее течение. В Белостоке оно совершенно не привилось, да туда агитация «независимых» и не докатилась, застрявши в Гродне. Зато член нашего Комитета Хаче Мунвис, уехавши на некоторое время в Минск, вернулся оттуда значительно зараженным ядом зубатовщины.

Вопрос о «саморазвитии» выдвинут был в связи с агитацией еврейских п.п.с.-овцев, цитаделью которых был г. Гродно, откуда они пытались воздей-

* Эта «организация» носила сплоченный характер. Некоторые представители ее были известны нашим рабочим. Однажды приехала в Белосток работница, кажется Этка-портниха и в тот же день у нее вытащили на Липовой улице кошелек с единственным ее достоянием – семью рублями. Об этом трагическом случае было дано знать предводителям воровской шайки, и кошелек был возвращен сейчас же с извинением и с просьбой впредь делать какой-нибудь знак в кошельке, по которому они могли бы узнать членов Бунда.

ствовать на белостокских рабочих. Душою этой агитации был Петр Иванович Шумов, бывший студент и член Петербургской с.д. организации «Рабочее знамя» и «Русской С.Д. Партии». На первый взгляд кажется курьезным такое сочетание: *еврейские* рабочие *литовского* города Гродно, под руководством *русского* интеллигента, называющие себя сторонниками *Польской* социалистической партии. Курьез усиливался еще потому, что они были *против* массовой политической борьбы, за *самообразование* и в то же время *против интеллигенции*. Это была в сущности старая виленская «оппозиция» Абрама резчика, обвинявшая интеллигенцию в стремлении использовать рабочий класс для своих интеллигентских политических целей. Рабочим нужно прежде всего учиться и развиваться. Им нужны кружки саморазвития, а не политическая борьба и стачки. В этом последнем пункте – относительно экономической борьбы – они разнились от минских «независимых», выступавших тоже против интеллигенции и политики, тоже за саморазвитие, но в то же время за экономическую борьбу под защитой жандармов. Агитация еврейских «п.п.с.-овцев» имела некоторый, весьма впрочем незначительный успех у части рабочих, достигших в экономической области всего, по их мнению, возможного, боявшихся политических треволнений и желавших только спокойно читать и развиваться. Как курьез, надо указать, что в П.П.С. некоторыми из таких рабочих ценилось то, что она имеет нумера американского צוקוקט⁹, серьезного еврейского журнала, каковыми не обладала наша организация. Слава «цукука» вербовала им приверженцев. В צוקוקט было много статей на общеобразовательные темы.

Если вспомнить далее, что именно в эту эпоху возник политический сионизм, выделивший затем из себя демократические и социалистические течения, что именно тогда появился в недрах Бунда национальный вопрос, то станет понятным, почему и эти вопросы были темами, обсуждавшимися на дискуссиях. В дальнейшем мы к ним вернемся в связи с III и IV нашими съездами, на которых вообще обсуждались почти все из перечисленных только что вопросов. Наконец, вопрос о том, как держаться на допросах опять-таки имел самый злободневный характер, так как политический разврат, вносимый Зубатовым в среду политических арестованных, требовал выяснения всего вреда дачи на допросах каких бы то ни было показаний. Как раз в это время вышла в издании «Союза русских с.д. за границей» книжка Бахарева, защищавшая отказ от дачи показаний. Однако рабочим нашим на дискуссии было весьма трудно усвоить необходимость такой тактики. Они находили, что она сразу дает возможность охранникам выделить сознательных деятелей из общей серой массы арестованных. Мы видоизменили эту тактику, допустив, вместо отказа от показаний, повальное отрицание обвинений, знакомств и т. п.

ЦДАГО України. Ф. 41. Оп. 1. Спр. 11. Арк. 16–34.

¹ Лойнкетники – ткачі-підприємці, які брали сировину від виробників або торговців і повертали їм готові тканні вироби.

² Дер тате (*idish*) – батько.

³ Шпулярка – робітниця, яка працює з бобінами ткацьких верстатів, слідкує за їх завантаженням.

⁴ Нуперкес – робітниця, яка тримає нитку, що рухається до бобіни.

⁵ Шереркес – робітниця, яка з'єднує і відрізає нитки.

⁶ Гарбер (*idiu*) – чинбарі.

⁷ Шнайдер (*idiu*) – кравці.

⁸ רעדינג (*idiu*) – подвійне підборіддя, зоб.

⁹ מפוקוצ (*idiu*) – «Майбутнє».

The memoirs of the doctor Moses Rafes, one of the General Jewish Workers Union in Lithuania, Poland and Russia (Bund) founders, are published. The memoirs describe the organization structure, the daily life of its members and change of their views on the political activities of the union.

Key words: Bund; socialism; anarchism; labor movement; Bilostok.

Державна архівна служба України
Український інститут національної пам'яті
Інститут української археографії та джерелознавства
імені М. С. Грушевського Національної академії наук України
Державний центр збереження документів НАФ

Архіви України

Науково-практичний журнал
видається з 1947 р.

№ 5-6 (316-317), 2018
вересень – грудень



Київ, 2018

З М І С Т

Статті та повідомлення

<i>Зворський С. Л.</i> Активізація взаємодії архівів і бібліотек — вимога часу	7
<i>Клименко Т. А.</i> Цифровізація процесів архівної справи та діловодства як пріоритет діяльності Державного архіву Черкаської області	22

Огляди джерел та документальні нариси

<i>Безгинська К. М., Лисенко Т. А.</i> Шлях милосердя: діяльність Товариства Червоного Хреста на Луганщині (1918–2018 рр.)	27
<i>Булгакова Т. О.</i> До 180-річчя відкриття Інституту шляхетних дівчат у Києві (за документами Державного архіву м. Києва)	41
<i>Гречко М. В.</i> «Такой образчик хлеба я оставил моим детям ... на назидание» (унікальна знахідка – хліб часів Голодомору 1932–1933 років у документах ЦДАГО України)	46
<i>Доліновський В., Слюсарек К.</i> Податкові документи 1780-х років як джерело до історії галицьких міст	56
<i>Дубовик О. С.</i> Олесь Гончар у документах ЦДАМЛМ України (до 100-річчя від дня народження)	72
<i>Ийслуу А. Е.</i> Призначення чиновників на державні посади в період правління Миколи I (1825–1855): між покровительством і здібностями	81
<i>Касян Л. Г.</i> Аудіовізуальні документи у процесі формування історичної пам'яті	91
<i>Семков В. Г.</i> Радіоскрипти радіо «Свобода» як джерело інформації про події в Україні другої половини ХХ століття	100
<i>Тихенко В. О.</i> Повернення культурної спадщини української діаспори (за документами ЦДАЗУ)	109
<i>Шаповал А. І.</i> Співпраця В. М. Перетца з Науковим товариством імені Шевченка через призму листів ученого до М. С. Грушевського	117

Публікація архівних документів

<i>Батрак Л. В.</i> Документи про голод в Україні 1921–1923 років (із колекції «Український музей в Празі» ЦДАГО України)	135
--	-----

<i>Гула О. Г., Гула В. Д.</i> Спогади члена ЦК Бунду Мойсея Рафеса про білостоцький період діяльності організації (1900–1902 роки) (продовження, початок у № 4(315) за 2018 р.)	155
<i>Орел Ю. В.</i> Документи про службу Януша Корчака (Г. О. Гольдшміта) під час Першої світової війни у відділі допомоги населенню, що постраждало від війни Комітету Південно-Західного фронту Всеросійського земського союзу	165
<i>Пономарьов О. М.</i> Документи щодо обстоювання Кошем території Вольностей Війська Запорозького у 1763–1765 роках	171
До 100-річчя Національної академії наук України (добірка фотодокументів). <i>Упорядник</i> – Л. В. Любарська	196

Інформація і рецензії

<i>Алексєєнко А. О., Гаранін О. Я., Ковтанюк Ю. С., Чижова О. В.</i> Відкрита дискусія «Проблемні питання дотримання авторських та суміжних прав у діяльності державних архівів» (6 грудня 2018 р., м. Київ)	210
<i>Гула О. Г.</i> Новітні тенденції у розвитку української науки (за матеріалами Всеукраїнської науково-практичної конференції «Сучасна наука та освіта Волині», 22 листопада 2018 р., м. Володимир-Волинський)	220
<i>Коломієць Н. А.</i> Дев'ятнадцять джерелознавчі читання «Джерельний потенціал інформаційних ресурсів архівів», присвячені 100-річчю від дня народження професора Марка Варшавчика (5 грудня 2018 р., м. Київ)	228
<i>Палієнко М. Г.</i> Актуальні питання захисту персональних даних та збереження приватних архівів на 28-му Міжнародному архівному форумі у м. Трієст (Італія)	234
<i>Паламарчук Л. В., Чернятинська Ю. Г.</i> Стажування українських архівістів у державних архівах Польщі	244

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ
МОЙСЕЯ РАФЕСА ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ
ПЕРІОД ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ
(1900–1902 РОКИ)

(продовження, початок у № 4(315) за 2018 р.)

Публікується продовження спогадів члена ЦК Бунду М. Рафеса. У наведеній частині документу автор описує вироблення поглядів цієї політичної сили на розв'язання національного питання в Російській імперії, облаштування підпільних типографій, формування керівного складу партії. Також приділена увага діяльності агентів охоронного відділення у лавах Бунду.

Ключові слова: Бунд; національне питання; соціал-демократія; робітничий рух.

Рафес М.**Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)***[1918–1921]***4. Третий съезд Бунда.**

В декабре 1899 года Белостокский Комитет Бунда получил приглашение послать представителей на третий съезд. Первый учредительный съезд был, как известно, в сентябре 1897 года, 2-й съезд в сентябре 1898 года через несколько месяцев после минского провала, на котором арестован был весь Ц.К. Комитет делегировал Бенче и меня. Сверх того поехал от Белостока и Абрам в качестве представителя от нарождающегося союза кожевников. Съезд происходил в Ковне на специально снятой квартире**. Продолжался он 3 дня. Присутствовало на нем человек 15. Всех участников я вспомнить не могу. Назову только нескольких. Центральный Комитет представлен был Тарасом (Давид Кац), Заграничный Комитет «Джоном» (Миль), специально приехавшим из Женевы. От Минска был Альберт Залкинд, от щетин-

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

** Это было в конце декабря. Из соображений конспирации, чтобы нельзя было охранке напасть на след участников, он был помечен в официальном сообщении датой конца января 1900 года.

щиков, если не ошибаюсь, Залмен, от Лодзи или Варшавы – Цивбе. Дебаты были весьма оживленные, особенно по национальному вопросу, впервые поставленному на обсуждение. Докладчиком выступил по этому вопросу Джон, доказывавший необходимость и своевременность выставления специальных национальных требований еврейского пролетариата и расширить пункт о гражданском равноправии выставлением требования национального равноправия. Подавляющее большинство однако отнеслось холодно к изменению содержания агитации. Принято было однако решение для дальнейшего выяснения вопроса открыть дискуссию на страницах *אידן טענות*¹, издававшегося за границей, равно как по вопросу о независимости Польши.

В общем съезд не произвел на меня удовлетворительного впечатления. Не видно было подготовительной работы по его созыву. Вопросы не были достаточно обсуждены на местах. Не было заготовлено никаких проектов резолюций. На самом съезде в обстановке спешного подпольного обсуждения невозможно было составить сколько-нибудь продуманных резолюций, которые дали бы равнодействующую сводку дебатов. Поэтому, напр., прения об экономической борьбе, после заслушания ряда тут же составленных неудачных резолюций, дали в результате малосодержательную формулировку, предложенную Тарасом, что «экономическая борьба есть одно из средств для развития политического и классового сознания в рабочей массе». Еще бесплоднее оказались дебаты о стачечных кассах. Резолюция гласила, что съезд не может принять никакого общего решения для всех ремесел и всех городов.

5. Белосток – резиденция Ц.К. Бунда

Осенью 1900 года Белосток стал негласной столицей Бунда. Случилось это следующим образом.

В первых числах мая явился к нам на квартиру Тарас в сопровождении неизвестного нам высокого человека, спокойного, медлительного, рассудительного. Тарас был еще сравнительно молодым бундовским деятелем. Политическое воспитание он получил, само собой разумеется, в бундовском Иерусалиме – Вильне. Там он выделился как ловкий конспиратор и организатор и вошел в местный Комитет. После провала Ц.К. летом 1898 г., он остался наследником его компетенции и с редкой быстротой сорганизовал 2-й съезд, на котором он был выбран в члены Ц.К. В это время все видные старые деятели были в тюрьме, ссылке и эмиграции. Исай и Люба Айзенштадт были в Виллойске, Аркадий Кремер, «Владимир» (Наум Левинсон, Коссовский), Глеб (Абрам Мутник) и др. сидели в Москве – Таганке, а впоследствии выпущенные из тюрьмы скрылись за границу. «Учитель» (Лону, Гожанский) был в Якутской области, «Джон» (Миль), «Тимофей» (Копельзон) были в Швейцарии,

Бейнцы (Михаил Избицкий) был выслан в Полтаву, Моисей Душкан был выслан в Екатеринослав, учитель Портной, работавший в Ковне, был в ссылке в Балаганске и т.д.

Неизвестный высокий человек носил прозвище «Ноах» и оказался ковенским учителем Портным, только что приехавшим благополучно из Балаганска, откуда он бежал и был вывезен друзьями в сидении повозки. Он был кооптирован в Ц.К. Тарасом и оба направлялись теперь в Варшаву и по дороге заехали к нам.

Ноах предложил мне работать в «Арбайтер Штимме» и, между прочим, взять на себя постоянный отдел политической агитации, посредством фактов, характеризующих мрачные стороны русского самодержавия. Я дал этому отделу заголовок *וולט 5'יזשטוט*². Факты я мог, между прочим, черпать в изобилии в выходившей тогда оппозиционной газете князя Барятинского «Северный Курьер», оказавшейся, конечно, недолговечной. Статьи свои я высылал в Варшаву, где находилась бундовская типография и где жил Ноах. Впервые они стали появляться с №19, вышедшего осенью 1900 г., приблизительно в сентябре.

В это же время приехал к нам снова Ноах. Он сообщил мне, что я кооптирован в Ц.К., который состоит, таким образом, из трех человек. Тарас будет заведовать техникой, объезжать места, а мы вдвоем будем жить в Белостоке.

С этого момента в течение полутора лет Белосток оставался резиденцией Ц.К., и наша квартира превращается в центр этой резиденции.

Ноах нашел себе комнату на одной из глухих улиц города. Она была без хозяев, без прислуги. Маленькая девочка, дочь дворника, убирала ему комнату и подавала самовар. Ни одна человеческая душа, кроме 1–2 посвященных, не знали его адреса. Я был у него за все время, кажется, не больше одного раза. Зато он ежедневно приходил к нам, нередко 2–3 раза в день. Вдвоем мы разрешали все вопросы, и хотя при такой коллегии из двух человек, решение могло приниматься только единогласно, но неразрешенных споров у нас не бывало. Только по отношению к национальному вопросу у нас было расхождение, но на практике оно разрешалось компромиссом.

То было чрезвычайно интересное время. Революционное движение начинало выходить из спячки, в которую оно впало благодаря массовым провалам 1898 года в связи с первым съездом Российской С.Д.Р. Партии. Студенческое движение начавшееся в 1899 году всколыхнуло Россию. В Харькове 1 мая произошла внушительная рабочая демонстрация. Революционное настроение явно нарастало. Собиралась выходить «Искра», из которой по замыслам ее организаторов Ленина, Мартова и Потресова «должно было разгореться пламя».

Как раз в эту пору пришло письмо в Ц.К. от Мартова из Полтавы. Оно было написано химическими чернилами между строками

ординарного текста. Он критиковал работу Бунда за последнее время, увлечение экономической борьбой, пренебрежение политикой и чисто социалистической агитацией, замыкание в узком кругу вместо работы в общероссийском масштабе. Кустарничество, выражающееся, между прочим, в том, что «Бунд развлекается выпуском кучи местных газет».

Скоро после этого Ленин, Мартов и Потресов выехали за границу, и в декабре вышел первый № «Искры». Ноах и Заграничный Комитет относились с большой опаской к грядущему органу с точки зрения позиции, которую он займет по отношению к Бунду, и действительность оправдала их опасения в значительной мере.

6. Литература и типографии.

Я упомянул, что бундовская типография находилась в то время в Варшаве. Она имела только еврейский шрифт и в ней печатались עמיטע אָרטעלעך³ листки и местные органы. Виленский Комитет одно время тоже имел еврейскую типографию, в которой печатал свой מאָקנסאלק⁴. Но с одной стороны, Варшавская типография решительно не справлялась с работой. Печатание листков для Ц.К. и для местных комитетов отнимало у нее массу времени и непрерывно отвлекало ее от набирания עמיטע אָרטעלעך, которая поэтому выходила слишком редко. Тем более, что последние №№ были весьма объемисты, так как жизнь выдвигала множество вопросов. С другой стороны, выросла настоящая потребность в русской типографии для агитации среди интеллигенции и для работы на юге России. Виленский Комитет скоро завел для себя русскую типографию, из которой осенью 1901 года вышел первый русский листок, написанный Гуревичем и посвященный мракобесной деятельности нового виленского губернатора фон Валя, позднее получившего печальную известность благодаря порке еврейских рабочих и покушению на него Леккерта. Ц.К. пользовался иногда этой типографией и мне пришлось в ней побывать, разумеется, с подобающими предосторожностями. Это было поздно вечером и я застал ее в свернутом состоянии. Работал в ней Шолом, наборщик со своей женой. Станок, шрифт и кассы были искусно скрыты в комод, и снаружи не было никаких подозрительных признаков. При работе ящики выдвигались, в секунду их можно было вдвинуть. Помещалась она на Полтавской улице, недалеко от пересыльной тюрьмы. Там было напечатано написанное Ноахом воззвание к еврейскому обществу по поводу ограничения прав евреев на образование. Там печатались Минские листки против независимых и т.д.

Но мы скоро получили возможность пользоваться в экстренных случаях и другой русской типографией. Петербургский Союз борьбы, издававший «Рабочую мысль» вздумал поставить новую типографию

для печатания брошюр. Оборудовать ее взялся Сергей (Зельдов, Неманский) живший тогда в Петербурге и бывший членом Союза. Он решил поставить ее, во избежание провала, далеко от СПб и избрал для этого Варшаву. Станок изготовил Сроль Михель Каплинский в своей Двинской слесарной мастерской. Тогда никому и не снилось, что руки, изготовлявшие для нелегальных организаций типографские станки, получали серебрянники из рук Зубатова⁵. За вполне оборудованный станок он взимал 75 рублей.

И в этой типографии мне пришлось побывать, на этот раз среди белого дня, и я застал ее в полном ходу. В середине комнаты на столе стоял небольшой станок, вершков 10 в длину и вершков 6 в ширину. Каждое толкательное движение руками отпечатывало один экземпляр (одну страницу) после чего валиком, напитаемым типографской краской смачивался набор. Существовала она на людной улице, во дворе большого дома под видом переплетной.

Этой типографией, по соглашению с Петербургским Союзом борьбы, мы могли время от времени пользоваться для своих нужд. Там мы напечатали прежде всего «Воззвание к еврейской интеллигенции», написанное мною. Оно представляло довольно значительную брошюру и поспело как раз к 4-ому съезду. Оно было потом несколько раз перепечатано за границей по русски и по польски. В резолюциях 4-го съезда по XVIII пункту порядка дня «о средствах привлечения симпатий общества» издание такой брошюры указано, как одна из мер, которую еще предстоит осуществить. Но это было сделано потому, что, в интересах конспирации, съезд был датирован в отчете концом апреля, тогда как на самом деле он происходил в двадцатых числах мая. Там же мы напечатали в виде брошюры отчет о 4-ом съезде, перепечатанный потом тоже многократно по русски, по еврейски и по польски, и помещенный в 1906 г. в первом выпуске «Материалов по истории евр. движения».

Для более быстрого печатания ברעָ עמיטש мы решили завести вторую еврейскую типографию. Тарас предложил поставить ее в Кишиневе и сэтой целью поехал туда для работы. Типография была оборудована. В ней работала также Лиза Амстердам, вдова известного витебского деятеля, утонувшего в Днепре во время высылки в Оршу. Типография эта напечатала между прочим прокламацию Ц.К. к 1-ому мая 1901 года. С этой прокламацией вышло много путаницы, благодаря многократной рассеянности, которую к нашему изумлению проявил в тот ответственный момент Тарас. Часть ее провалилась и она едва-едва поспела к сроку для распространения. Анна выехала в Брест, где встретилась с Тарасом и отвезла часть прокламаций в Варшаву. В Минск повез их я.

Особенно много забот приложили мы к выпуску № 25 ברעָ עמיטש., который, согласно постановлению 4 съезда, должен был быть выпу-

щенным, как юбилейный. Он должен был печататься у нас по еврейски, а за границей по русски и польски. Номер носил праздничный характер, заключал в себе ряд обзрений и между прочим на отдельном листе, отпечатанном за границей, помещены были портреты вождей социализма в Зап. Европе. Но главным украшением его было множество поздравлений от заграничных лидеров и русских организаций. Были таковые от Геда, Вальяна, Каутского, Бебеля и др. Из организаций были от «Союза Русс. С.Д. за границей», от «Искры», от «Южного Рабочего», от Польской С.Д. и др. Эти приветствия нами очень ценились, и благодаря им юбилейный номер получил действительно интернациональный торжественный характер. Однако судьба еврейского издания была весьма плачевная. Оно печаталось в Варшаве, так как Кишиневская типография тогда, из за замеченного слежения, была ликвидирована. Большая часть отпечатанных номеров была отправлена на вокзал для сдачи в багаж. Отправлял ее Хаим Закон (Даниил). Таможенный надсмотрщик его остановил и спросил, что в корзине. Тот ответил почему-то «Кожа». Потребовали открыть. Закон пошел якобы за ключом и скрылся, груз пропал. Рассказывали, что Хаим был так потрясен этим несчастьем, что плакал, как ребенок*. Поздно ночью раздался звонок в нашу квартиру. То Лиза Амстердам, бесконечно расстроенная, примчалась к нам в Белосток из Варшавы сообщить об этой истории. Пришлось примириться со случившимся. Оставшиеся экземпляры были с величайшими предосторожностями разосланы по местам в чемоданах с двойным дном, и организации вынуждены были довольствоваться одной третью того, что должны были получить.

7. Четвертый съезд Бунда.

Через год после III съезда мы с Ноахом нашли необходимым созвать новый съезд. Жизнь шла быстро, возникали и требовали пересмотра и разрешения многие вопросы. Мы нашли, что удобнее всего созвать его в Белостоке, где под нашим непосредственным надзором организацию его можно было провести успешнее.

Мы сняли для этого заблаговременно квартиру в одном из переулков Ханайкес. Квартиронанимателем был, если не ошибаюсь, Довид ткач. Съезд открылся, как я уже говорил выше, в двадцатых числах мая. Это время мы сочли наиболее удобным, так как майская страда повсюду давно закончилась и бдительность жандармерии должна была притупиться. Само собою разумеется, что в конце апреля – как мы писали потом в отчете для отвода глаз – никакой съезд не мог бы благополучно пройти, так как в это время подымали на ноги все охранные силы.

* Возможно, впрочем, что в этой корзине заключалась литература, транспортированная из-за границы, а юбилейный номер арестован был в транспортной конторе «Надежды». Самые факты я хорошо помню.

Делегатов присутствовало на съезде 24 человека.

От белостокского комитета делегированы были Бенче и Анна. Абрам, как и на третьем съезде, представлял интересы будущего союза кожевников. Для конспирации в отчете этот союз, как еще неоформленный, не подавался, а говорилось об «еще одной профессиональной организации». Другая профессиональная организация – союз щетинщиков – представлена была Залменом. От Вильны был Арон Вайнштейн (позднее «Рахмиил») недавно вернувшийся из-за границы. От Гомеля были два делегата, один из них – Абесгауз. От Двинска – Сроль-Михель Каплинский. От Лодзи был Миша, т.е. Михаил Гольдман, будущий Либер, недавно вернувшийся из-за границы. От Варшавы – Хаим Закон. От Бердичева – Алтер Кожевник и от Житомира Исаак Мицкун («Карл»). Ради конспирации оба эти города не были названы в отчете, а вместо этого говорилось глухо о «двух южных городах России». От Гродно был вольноопределяющийся Ботвинник, от Ковно – Файвель Сапожник. От Ц.К. были Ноах и я. Был на съезде Сергей Неманский. Были еще представители от Витебска и Минска, которых я сейчас не могу назвать с уверенностью. Съезд продолжался 5 дней, но так как несколько делегатов не имели никакой возможности дольше оставаться, то последний день съезда был превращен в конференцию, решения которой, однако, были так же обязательны, как и резолюции съезда*.

К этому съезду, вследствие опыта Ковенского съезда, мы сочли необходимым заготовить проекты некоторых резолюций. Выработывали мы их с Ноахом вдвоем. Один раз участвовал в их обсуждении Неманский, приехавший из СПб. Заготовили мы между прочим резолюции по национальному вопросу, об отношении Бунда к Р.С.Д.Р.П. и о сионизме. Эти резолюции целиком были приняты съездом. Необходимо отметить, что дискуссию по национальному вопросу, которую постановил открыть третий съезд на страницах *רעטעבראָ עשידיא*, сильно запоздала своим появлением. Первые статьи в № 11 появились на свет в напечатанном виде уже после съезда. Базисом при составлении резолюций послужили для нас прения на Брюнском партийтаге австрийской с. демократии⁶.

В виду того, что отчет о 4-ом съезде дает верную и довольно подробную картину того, что происходило на нем**, я не буду останавливаться на принятых резолюциях. Это отняло бы слишком много места, которым мы не располагаем. Я коснусь только резолюции по национальному вопросу.

* Она считается *четвертой* конференцией Бунда. Предыдущая, третья, на которой я тоже присутствовал, происходила в Варшаве весной 1900 года.

** Объяснения к резолюциям об экономическом терроре, о средствах против насилий со стороны полиции и о демонстрациях написаны были Ноахом. Остальное – мною.

В отчете соответственно требования конспирации не назывались никакие имена. Были сгруппированы в нем 3 течения. Первое представлено было одним только оратором Х. Другое противоположное названо в отчете группой Д. И наконец среднее, промежуточное, обозначено буквой Б. Так как обычное деление на правое и левое крыла сюда неприменимо, то мы назовем их *בונדֿישטיש*⁷ и *בונדֿיש*⁸, а между ними центр. «Бундистское» крыло представлял тогда в единственном числе Либер, центр возглавлялся Ноахом, но к нему же принадлежали Арон Вайнштейн, Хаим Закон и др., «Бундовское» крыло представлялось Анной, мною, Бенче, Абрамом и др.

Предложенная нами резолюция, выработанная сообща Ноахом и мною, представляла собою компромисс между центром и «бундовским» течением. Он заключался в следующем.

Резолюция заключала в себе две части: одну программную, другую практическую, актуальную. Третий съезд подавляющим большинством голосов отверг предложение Джона выступить с немедленным выставлением требования национального равноправия. Эта самая позиция целиком сохранена в резолюции. Но в то же время она пытается в первой своей части дать програмное решение национального вопроса не в смысле территориальной национальной автономии, а в смысле персональной, культурной. Это соединение удовлетворило оба течения, но, конечно, не удовлетворило Либера, требовавшего *немедленного* выставления национальных требований.

Конечно, то что нашел «несвоевременным» четвертый съезд, мог найти вполне своевременным какой-нибудь из ближайших съездов. Так оно, по неизбежной логике вещей, и случилось. Этому способствовали, впрочем, в весьма сильной степени страстные и далеко несправедливые нападки на резолюции IV съезда, которые стали помещаться в «Искре». Необходимость отвечать на обвинения тем самым привлекали к этому вопросу больше внимания, чем это прошло бы при других условиях. Одним из таких ответов явилась брошюра «О национальной автономии и федеративном устройстве Партии», написанная В. Коссовским, пересланная в рукописи к нам в Белосток и здесь переработанная.

Не останавливаясь больше на резолюциях IV съезда, я воспользуюсь моментом, чтобы раскрыть те из законспирированных в отчете точками вопросы и постановления, которые я могу вспомнить. Один из таких трех вопросов порядка дня касался необходимости работы среди христианских рабочих ввиду того, что отсталость их сильнейшим образом тормозила дальнейшее развитие еврейского рабочего движения. В резолюции по вопросу о деятельности Бунда на юге России, умолчанный пункт 2) говорил о необходимости объезда городов юга для обследования и установления связи.

На съезде произведены были выборы Ц.К. Происходили они не просто тайно, а трижды тайно. Не только тайно от полиции и вообще всего света, кроме собравшихся, не только тайной подачей голосов, но и самый результат оставался тайной для избирателей. Все записки были вручены Ноаху. В одиночестве он их подсчитал и потом тайно оповестил избранных. Может быть, благодаря такой системе выборов, у меня в памяти не сохранилось никаких имен и никаких цифр о распределении голосов. Знаю только, что и после съезда все осталось по-прежнему. Мы с Ноахом оставались вдвоем в Белостоке и вершали дела Бунда.

По окончании съезда все участники, кроме нескольких разъехавшихся, собрались вечером у нас на квартире. Самовар шипел, пили чай, закусывали, и весело болтали. Никогда не чувствовалось такого подъема духа, такой бодрости, как тогда. Съезд прошел удачно, хотя Сроль-Михель был его участником, хотя он вместе с другими проводил у нас прощальный вечер и хотя Зубатов, как видно из писем Мани Вильбушевич, опубликованных в журнале «Былое», знал от нея, что в Белостоке «свадьба» и немедленно по телеграфу скликал туда своих шпионов. Приходится сказать вместе с Гамлетом: «Много есть, друг Горацио, на свете вещей, которых понять нельзя»⁹. Тогда однако мы не подозревали опасностей, угрожавших нам. Громадное удовлетворение заключалось в том, что съезд внутренне прошел прекрасно, что многочисленные вопросы были благополучно разрешены, что на съезде обнаружился значительный шаг вперед сравнительно с предыдущим съездом. Участники разъехались с тем, чтобы с новой бодростью повести рабочее движение к грядущей революции.

(продовження буде)

¹ רעטעבראָ עשידיא (ідіш) – «Єврейський робітник» – один із друкованих органів Бунду, що видавався у Швейцарії.

² רעטצניפֿ טלעוו (ідіш) – темний світ.

³ רעטעבראָ עמיטש (ідіш) – «Робітничий голос» – головний друкований орган Бунду, що виходив на території Російської імперії.

⁴ רמאקנסאלק (ідіш) – «Класова боротьба».

⁵ Ізраїль Каплінський – агент охоронного відділення в лавах Бунду. Був заарештований 1898 р. у підпільній типографії в Бобруйську, після чого погодився на співпрацю з політичною поліцією. При цьому він відігравав значну роль у Бунді, будучи агентом ЦК [Козьмин Б. С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. Москва–Ленинград, 1928. С. 99].

⁶ На партійному з'їзді, який відбувся 1899 р. у Брюнні (нині – Брно), була прийнята програма, покликана нейтралізувати політичні прояви національної боротьби. Резолюція з'їзду містить заклик перетворити Австрію на «державу,

що представляє демократичний союз національностей»; історичні коронні землі повинні бути перетворені на «національно-відмежовані самоврядні корпорації», в кожній з яких законодавство і управління знаходилися б у руках Національних палат, що обираються на основі загального, прямого і рівного голосування; всі самоврядні області однієї і тієї ж нації утворюють разом «національний союз». Оскільки відкидались будь-які національні привілеї, відкидалось і поняття державної мови. Ця програма була негативно сприйнята В. Леніним, який вбачав у ній відхід від інтернаціоналізму і, як наслідок, зростання реформістських та націоналістичних тенденцій в ідеології партії. Ця оцінка Брюнської програми була згодом екстрапольована більшовиками на національну програму Бунду [*Лозинский С. Брюннский партейтаг // Еврейская энциклопедия. Т. 5. 1910. С. 49–50*].

⁷ שיטסידנוב (ідіш) – бундистське.

⁸ שידנוב (ідіш) – бундівське.

⁹ На нашу думку, така ситуація пояснювалася баченням С. Зубатова щодо перспективних шляхів боротьби з революційним рухом. Саме в цей час почали створюватися підконтрольні політичній поліції соціалістичні організації, що висували на перший план вимоги економічного характеру. Ці організації були покликані відтягнути маси від політичних супротивників самодержавства, перетворивши їх на штаби без армій. У такій ситуації масові затримання могли лише збільшити їхню популярність серед опозиційно налаштованої громадськості.

The continuation of memories of Bund Central Committee member M. Rafes is published. In this part of the document, the author describes the development of the views of this political force on the resolution of the national question in the Russian Empire, the arrangement of underground typography, the formation of the leadership of the party. Also attention is paid to the agents of the security department in the Bund ranks.

Key words: Bund, national question; social democracy; labor movement.

Державна архівна служба України

Архіви України

Науково-практичний журнал
видається з 1947 р.

№ 1 (318), 2019
січень – березень



Київ, 2019

З М І С Т

Подія

Розширене засідання колегії Державної архівної служби України (26 лютого 2019 р.)	7
Про роботу Укрдержархіву, державних архівних установ і спеціальних установ страхового фонду документації у 2018 році та пріоритети Укрдержархіву на 2019 рік	10

Статті та повідомлення

<i>Бездрабко В. В.</i> Як розповідати дітям про архіви і документи.....	72
<i>Дідух Л. В., Залеток Н. В.</i> Досвід українських архівів у створенні цифрового фонду користування документами Національного архівного фонду	87

Огляди джерел та документальні нариси

<i>Власенко С. І.</i> Діяльність Комісії з історії Вітчизняної війни при Академії наук УРСР щодо формування партизанських фондів (1946–1950 рр.).....	102
<i>Дубовик С. О.</i> Особовий фонд культурного і громадського діяча Євгена Сверстюка в ЦДАМЛМ України (до 90-річчя від дня народження)	120
<i>Дубок І. П.</i> Історичний досвід публічно-приватного партнерства у сфері культури (за документами Державного архіву м. Києва)	130
<i>Ийслуу А. Е.</i> Дніпровський район м. Києва в архівних документах (до 50-річчя створення)	139
<i>Касян Л. Г.</i> Фонодокументи з історії українського та зарубіжного театрального мистецтва в архівній колекції ЦДКФФА України імені Г. С. Пшеничного	150
<i>Коць Л. І.</i> Поповнення фондів Державного архіву Волинської області колекцією копій світлин (фотографій) з життя єврейського населення Волині	163

Публікація архівних документів

<i>Гула О. Г., Гула В. Д.</i> Спогади члена ЦК Бунду Павла Розенталя про білостоцький період діяльності організації (1900–1902 роки)	170
--	-----

<i>Кузьмук О. С.</i> Новопечерський Трубчевський Чолнський монастир у 1728 році.....	180
<i>Морозова А. В.</i> Невідомий лист подвижника православ'я Кирила Зленка до єпископа Могильовського Іоасафа (Жевахова)	189
<i>Тельвак В. В., Радченко О. А.</i> Незнана рецензія Михайла Грушевського	198

Інформації і рецензії

<i>Бажан О. В.</i> Круглий стіл «Крим – це Україна. Документальні свідчення в архівах України»	203
<i>Ємельянова Т. О., Маковська Н. В.</i> Участь України в міжнародному виставковому проєкті «Кінець Першої світової війни: рішучий поворот до сучасної Європи»	210
<i>Палієнко М. Г.</i> «Все про людей»: архівістика у колі пріоритетних сфер діяльності та галузей знань на міжнародному науковому форумі у м. Марібор (Словенія)	218

Архівна хроніка

Виставки, презентації, конференції, зустрічі... ..	222
--	-----

ПУБЛІКАЦІЯ АРХІВНИХ ДОКУМЕНТІВ

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ ПАВЛА РОЗЕНТАЛЯ ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ ПЕРІОД ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ (1900–1902 РОКИ)

(продовження, початок у № 4(315) та № 5–6(316–317) за 2018 р.)

Публікується продовження спогадів члена ЦК Бунду. На основі документів ЦК Бунду та спогадів інших членів цієї організації спростовано авторство М. Рафеса. У наведеній частині документа увага приділена шифруванню кореспонденції, транспортуванню літератури, організації співробітництва з місцевими осередками партії. Також автор зупиняється на питаннях співробітництва з іншими революційними організаціями: польською соціал-демократією та партією соціалістів-революціонерів.

Ключові слова: Бунд; шифрування; соціал-демократія; робітничий рух.

Нижче наводимо завершальну частину спогадів члена ЦК Бунду, що присвячені діяльності цієї організації в 1900–1902 рр. У попередніх публікаціях автором спогадів ми називали М. Рафеса, однак у процесі розробки теми з'ясувалося, що цей документ належить іншому видатному діячеві Бунду Павлові Ісааковичу Розенталю (псевдоніми «П. Роль», «Анман», «доктор Носон»). Висновок про авторство П. Розенталю заснований як на змісті наведених спогадів, так і на резолюції ЦК Бунду, присвяченій III з'їзду організації. У наведеній нижче частині спогадів автор багато уваги приділяє шифрувальній справі. Зокрема, називає себе автором роботи з шифрування, що була видана в Жене-

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

ві 1904 р. під псевдонімом «Бундівець»¹, та наводить винайдену ним систему шифрування повідомлень (яка, до речі, не представлена у зазначеній праці з міркувань конспірації). В історіографії ця праця асоціюється саме з П. Розенталем². Його авторство підтверджується й спогадами Г. Лурье, з яким він тісно спілкувався, перебуваючи на засланні³. Крім того, у резолюції ЦК Бунду, присвяченій III з'їзду, делегатом від Білостоку називається саме П. Розенталь, М. Рафес з-поміж учасників цього з'їзду взагалі не зазначений⁴. Отже, можемо стверджувати, що автором спогадів «Білостоцький період у житті ЦК Бунду» є П. Розенталь.

Текст спогадів обривається на описі арештів, що відбулися по завершенні конференції Бунду. Тоді ж було заарештовано й П. Розенталя. «Я з дружиною були заарештовані в Білостоці 31 березня 1902 року, через два дні після закриття згаданої Білостоцької конференції, організації якої ми сприяли і в якій я брав участь як член Центрального комітету Бунду» – так згадував про цей епізод у своїй книзі «Романівка» сам П. Розенталь⁵. Дружина П. Розенталя Ганна також брала активну участь у житті Бунду, була делегатом від Білостоку на IV з'їзді.

У лютому 1904 р., перебуваючи на засланні в Якутську, Павло та Ганна взяли участь у відомому «Романівському протесті»: 57 засланців різних політичних напрямків, протестуючи проти порушення їхніх прав (циркуляром іркутського генерал-губернатора П. Кутайсова був посилений адміністративний нагляд у місцях поселення політичних засланців, скасовано відправлення тих, що відбули термін, з Якутії на батьківщину за казенний рахунок, обмежено приватні поїздки засланців до Якутська і т. д. Дві партії етапованих зазнали побиття з боку конвою), підняли над хатою якута Романова червоний прапор і 18 діб тримали оборону, не даючи стріляниною наблизитися місцевій поліції. Саме П. Розенталь був головним противником здачі, а згодом переправив за кордон для публікації всі основні документи й промови підсудних «Романовського процесу».

П. Розенталь був амністований після виходу Маніфесту від 17 жовтня 1905 р. Він перебрався у Вільно, де став постійним співробітником, а згодом й членом редакцій перших бундівських легальних газет «Векер» та «Фольксцейтунг». Був прихильником об'єднання Бунду та РС-ДРП у єдину партію. Як газетний працівник, був усунений від місцевої партійної роботи з метою запобігти розкриттю нелегальної мережі Бунду через агентів, що стежили за редакціями легальних органів.

Під час Першої світової війни П. Розенталь працював лікарем на фронті. У грудні 1917 р. взяв участь у бундівському з'їзді та увійшов до складу ЦК як представник лівого крила. Згодом П. Розенталь відійшов від активної участі у політичному житті, сконцентрувавшись на публіцистичній діяльності. Саме в цей період, на початку 1920-х ро-

ків, й були написані ці спогади. Помер П. Розенталь 29 лютого 1924 р. у Вільнюсі⁶.

Спогади П. Розенталя є цінним джерелом для вивчення початкового періоду існування Бунду, особливо повсякденного життя цієї організації. Так, автор розкриває шифр, яким користувався Бунд, описує налагодження контактів з есерами та польськими соціалістами. Свідчення П. Розенталя відкривають перспективи для подальших досліджень різноманітних аспектів діяльності організації на початку ХХ ст.

¹ *Бундовец А.* Шифрованное письмо. Критика употребляемых у нас систем шифра. Женева. 1904. 113 с.

² *Уральский Ю.* Расшифрованные письма из переписки редакции ленинской газеты «Искра» // Археографический ежегодник. 1983. С. 126–130.

³ *Лурье Г.* Ушедшим «Романовцам». Павел Исаакович Розенталь // Каторга и ссылка. № 2(15). 1925. С. 236.

⁴ *Бунд.* Документы и материалы. 1894–1921 / сост: Ю. Амиантов, К. Ляшенко, И. Розенталь, З. Перегудова, З. Тихонова. Москва. 2010. С. 77.

⁵ Цит. за: *Синельников А.* Шифры и революционеры России. Москва. 2000. С. 87.

⁶ *Лурье Г.* Указ соч. С. 235–245.

Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)

[1921–1924]

8. Сношения, переписка, шифры, транспорт.

Сношения с городами и местечками велись разными способами. Нередко приезжали к нам в Белосток видные работники из разных мест посоветоваться по какому-нибудь делу, составить или привезти для печатания листок, получить «назначение» и т. п. Приезжал Борис Фрумкин из Витебска, Альберт Залкинд и Яша Каплан из Минска, Койген (впоследствии Ионов) и чаще жена его, из Гродно, где они поселились по возвращении из ссылки, навещали нас Исаак Мицкун, Миша Гольдман (Либер). Из-за границы приезжал несколько раз Франц (Блюмин, Штейн). Побывали на нашей квартире приехавшие на съезд из Лондона Аркадий Кремер и из Швейцарии Федор Гурвич (Дан) и Михаил Коган (Гриневич).

Из представителей чужих партий упомяну здесь только о Гершуни и Трусевиче. Первый приехал к нам в Белосток в конце 1901 года, чтобы поговорить о координировании действий и едином революционном фронте. Тогда формировалась партия социалистов-революционеров, и Гершуни был душой этого дела. После объезда городов он приехал к нам вторично в декабре. Он производил впечатление открытого, добродушнейшего человека, чуждого теоретического мудрствования и партийного политиканства. Соглашения, конечно, не последовало, но это не помешало нам провести

совместно у нас очень хороший вечер за дружескими рассказами и спорами. Как раз в этот день у нас в городе удачно прошло на нескольких собраниях празднование юбилея декабристов. Он поразился, когда узнал, как скромнен бюджет Бунда. Он не мог себе представить, чтобы на ничтожные средства, исчислявшиеся несколькими тысячами в год, можно было развить такую сравнительно широкую деятельность. Он нашел, что Бунд «бедная организация», а потом поправился и прибавил: Бунд бедная, но веселая организация.

Трусевич («Станислав») был тогда альфой и омегой Польской Социал Демократии. Бунд находился с ней в приятельских отношениях и оказывал поддержку, чем только мог. Еврейский пролетариат был сильно заинтересован в развитии сознания у польских и русских рабочих. Но партия Трусевича была тогда чрезвычайно слаба. Он почти мог сказать про себя: партия – это я. Он часто показывался в Белостоке, заезжал и заходил к нам на квартиру, иногда спасаясь от преследовавших его шпионов. Своими рассказами о непрерывном за ним слежении он часто производил впечатление ненормального человека. Он часто перекрашивал свои усы и волосы на голове. Раз, спасаясь от шпионов, он прятался у нас целую неделю. Однажды я должен был разыскать его, чтобы поговорить с ним по делу о союзе кожевников. Я попал прямо на съезд Польской С.Д., заседавший уже второй день. Этот «съезд» состоял всего из 3 человек, в том числе был и сам Трусевич. Другой был чахоточный рабочий, который скоро вошел в состав федеративного союза кожевников.

Гораздо чаще и регулярнее происходили сношения с городами посредством переписки. Вел ее обычно Ноах, была она шифрованная. Писали между строк химическими чернилами, обычно слабой серной кислотой. Во время деловых разъездов Ноаха переписку вел я.

Адреса для приходящих писем давались нам местными рабочими и интеллигентской группой. Доставляли их в достаточном количестве Рахмиил, Довид, Мордхай и др. Они же приносили нам приходившие письма, не имея ни малейшего представления, что это для Ц.К., так как никто в Белостоке не знал, что здесь центр Бунда. На этой почве раз вышел забавный инцидент.

Я уже говорил, что Белостокский Комитет составлялся сверху. Это не могло нравиться организации, и агитация за избираемость Комитета не прекращалась, пока не пришлось уступить и предоставить агитаторскому собранию выборы Комитета. Выборы дали вполне желательный для нас состав, прошли те, за кого мы сами голосовали. Кроме прежних (Бенче, Абрама, Анны и меня) попали в Комитет Рахмиил, Довид и Мордхай. Однако после первого же или второго заседания все трое перестали являться. Это было настолько необычно, что мы сразу заподозрили неладное. Происходила явная забастовка. Скоро удалось выяснить, в чем дело. Новые члены Комитета с удивлением констатировали на заседаниях, что приходившие письма не докладывались и что вообще вопросы «высшей политики» не ставились на обсуждение, из чего они умозаключили, что выборы были только комедией, что этот якобы Комитет есть только ширма, за спиной которой действует прежний, без них. И они решили нас бойкотировать. Нечего было делать, пришлось им раскрыть факт существования в Белостоке «самого» Ц.К. Бунда, и тогда тучи рассеялись, и добрые отношения восстановились.

Обычный шифр, который употреблялся тогда был квадратный. Чертили квадрат, разграфляли его десятью поперечными и десятью продольными

линиями на 100 клеток. Условное слово из 10 букв, напр., ארענאסקעל¹ писалось снизу вверх в десяти клетках первого столбца, а в следующих клетках той же горизонтали писались в последовательном порядке дальнейшие буквы алфавита, а по окончании его, писали азбуку с начала. Таким образом, третий ряд имел бы такой вид ט-ס-פ-צ-ק-ר-ש-ח-א-ב.

В таком третьем ряду пятая буква будет ק и она обозначается числом 35, т. е. ряд № 3, буква № 5. Обыкновенно слова и азбука брались русские.

Эта система могла условно усложняться в разных направлениях. Употреблялись и другие системы, более или менее остроумные. С разными городами были различные ключи, которые в общем были мне известны.

Но иногда во время отлучек Ноаха приходили письма, написанные по неизвестному ключу, потому ли что Ноах забыл его сообщить или потому, что корреспондент просто перепутал систему или ключ. Тогда я пытался расшифровать письмо без ключа, путем кропотливого анализа и угадывания. И к великому изумлению мне это всегда удавалось. Тогда я убедился, каким самообманом является наша хваленая шифрованная переписка. Позднее, сидя в тюрьме я, чтобы скоротать время, написал своего рода трактат о шифрованном письме, который был напечатан в 1904 году в Женеве за подписью А. Бундовец.

Однажды засели мы с Ноахом и решили реформировать нашу переписку и ввести новый однородный шифр, который был бы прост и в то же время труден для разгадки. Мы взяли слово אקציומהרגלא², содержащее 11 различных букв, т. е. половину еврейского алфавита. Под ними мы написали в последовательном порядке остальные 11 букв:

ק	ח	א	י	ו	מ	ה	כ	ך	א	ל
ת	ש	פ	ע	ס	נ	ב	ט	ז	ד	ג

Принципы были следующие: 1) каждая буква верхнего ряда заменяется буквой под ней находящейся, и наоборот и 2) вместо буквы пишется задом наперед число, соответствующее ее значению в алфавите. Так, вместо ל пишется 3 (א), а вместо א – 03 (ל = 30). Вместо ו – 06, а вместо ס – 6. Числовое значение ח, ש, כ, ק писалось вместо 100, 200, 300, 400 – 0,1; 0,2; 0,3; 0,4. Но употреблялись и дополнительные знаки 0,5; 0,6 – для изображения א; 0,7 для ש; 0,8 и 0,9 для ו и 00; 0,0 для א. Кроме того были несколько других условных обозначений напр., 09 для פ и 0'9 для פ и т. д. Напр. слово אקציומהרגלא³ изображалось так: 09010,20,79706903.

Таким образом этим способом можно было писать по еврейски и по русски, меняя язык. Усваивался он так легко, что им писалось, как обычным, простым письмом. Он немедленно вошел во всеобщее употребление и продержался в Бунде до самой революции. Говорят, что зашифрованный по этой системе список адресов, найденный однажды в Вильне при обыске, стал известен Департаменту Полиции. Но шифр вряд ли был раскрыт. Не надо забывать, что Сроль Михель Каплинский знал очень хорошо этот «бундовский» шифр. Сидя в тюрьме и работая над шифрами, я увидел что и этот придуманный нами шифр, при всем его остроумии ни коим образом

не является неразрешимым. Он содержал в конце концов только три десятка знаков, т. е. почти столько же, сколько букв. А такую систему считать забронированной никак нельзя. Его разгадка затруднялась только смесью русского с еврейским.

Скажу еще несколько слов здесь о транспорте литературы через границу. Одно время он был хорошо налажен, через щетинщиков, район которых прилегает к границе. Но потом эти пути провалились. Было одно время, когда на границе происходили систематические провалы. Со второй половины 1901 года Заграничный Комитет стал присылать литературу в чемоданах с двойной обшивкой. В марте 1902 года, когда многие заграничные студенты и студентки возвращались в Россию на пасхальные каникулы началась настоящая вакханалия с посылкой таких чемоданов. Все это направлялось в Белосток и почти всегда попадало в нашу квартиру. Каждый приезжал с двумя чемоданами, в двойных стенках которых скрывались обычно 20 фунтов литературы. Почти все русские экземпляры юбилейного номера *שמיטע ערצערבאך*⁴ были доставлены таким образом. Кроме того другие издания Заграничного Комитета и много пропагандистской литературы на еврейском, русском и польском языке, прислана была даже партия немецких брошюр.

9. Рост рабочего движения в Белостоке.

За это время успехи агитации и пропаганды в Белостоке становились с каждым днем все ощутительнее и заметнее. Число организованных членов осенью 1899 года не превышало 200. Через два года на политических собраниях присутствовало уже не менее 700 членов. Выпущенная Комитетом в начале 1900 года прокламация к приказчикам с призывом организовать возбудила величайшее негодование агитаторского собрания и впервые поставила вопрос о правомочности Комитета самостоятельно выпускать листки. Причиной этого шума было то, что прокламация упоминала в последних строках о социализме. Рабочие считали, что этим отпугиваем массу, что ее надо подымать апеллированием только к самым повседневным элементарным ее интересам – повышению заработка, укорочению рабочего дня и т. п. Это было явным наследием теории «стадий» в рабочем движении.

Скоро все это изменилось. Агитация принимала все более политический и социалистический характер, и масса все более на нее откликалась. Помимо воздействия литературой устраивались часто собрания, в особенности в то время года, когда можно было пользоваться лесом. Устраивали первомайские собрания, праздновали юбилей Бунда, Арбайтер Штимме, Декабристов, и особенно хорошо прошли мартовские собрания 1901 года, когда одновременно праздновали 30 ление Парижской Коммуны, юбилей революций 1848 года и годовщину смерти Карла Маркса.

За это же время образовался и сложился в Белостоке новый профессиональный союз – кожевников, о котором я уже упоминал несколько раз. Распределение кожевенного производства до известной степени напоминало щетинное. Оно тоже группировалось крупными гнездами в нескольких городах и местечках. Такими центрами для еврейского производства были Вильно, Белосток, Сморгонь, Ошмяны, Крынки, Заблудов, Шишловичи, Скидель и т.д. Поэтому очень скоро явилась среди кожевников мысль

объединиться подобно щетинщикам в единый союз. Душою этих стремлений был Абрам дер тате. К нему сходились нити связующие со всеми этими пунктами. В Arbeiter Stimme существовал уже постоянный особый отдел корреспонденций под названием «Что слышно у кожевников». Зимой 1900 года образована была своего рода организационная комиссия для выработки конституции будущего союза и подготовки открытого его выступления. В нее вошли кроме Абрама, кожевники Мордхай и Бендет, Оля (Ханка, Анна Розенфельд), Лейзер (Бейнуш, Избицкий) и я. Мы решили здесь впервые применить федеративный принцип, так как союз должен был обнимать рабочих всех трех национальностей – еврейских, польских и русских. После того, как IV съезд в специальной резолюции о кожевниках одобрил такую конструкцию, мы выработали подробный статут и по поручению комиссии я написал «Манифест Всеобщего Федеративного Союза Кожевников». Он был издан на всех 3 языках и был перепечатан целиком на своих столбцах «Искрой». Замечательно, что она не сделала никакого сердитого замечания по поводу федеративного устройства этого союза, хотя полемика против резолюции IV съезда о федеративном устройстве партии велась ею с большим ожесточением. Союз стал, по примеру щетинщиков, издававших וועקער טעג⁵, выпускать свой орган, который назывался קאמפער טעג⁶. Предполагалось, что каждая национальная секция будет выпускать его на своем языке. Главным редактором его был Бейнуш.

«2-ой съезд Росс. С.Д.Р.П.» (белостокская конференция)

Этим последним эпизодом нашего пребывания в Белостоке я закончу свое растянувшееся изложение, причем ограничусь только несколькими штрихами. Подробно об этой попытке восстановить Партию я напишу, быть может, в другой раз. Удача IV съезда окрылила нас и мы подумали, что окажемся в силах созвать съезд Партии, собрать рассыпанную храмину этой всероссийской с.д. организации, которая исчезла сейчас же по своем рождении и оставалась существовать, как некоторые тогда иронически выражались, только на обложках с.д. изданий. Нам казалось, что если нам удастся совершить это дело, которое до сих пор не удавалось никому, несмотря на все попытки, если съезд благополучно пройдет и будет выбран объединяющий руководящий центр в лице авторитетного Ц.К., то быть может удастся создать единый социал-демократический фронт, будет внесен мир между враждебными течениями и очистится атмосфера межфракционной грызни. Одну попытку созвать съезд сделал в 1900 году «Союз Русс. С.Д. за границей», отправив для этой цели в объезд организаций своих членов Тимофея (Копельзона) и П. Теплова. Организатором в самой России был представитель Южного Рабочего⁷ «Шлеймке» (Андрей, Абрам Гинзбург). Съезд должен был состояться в Смоленске, но из этой попытки ничего не вышло. Еще раз объезжал комитеты с этой целью в 1901 году представитель того же заграничного «Союза» Михаил Коган (Гриневич), но он повсюду наталкивался на противодействие со стороны «искровских» организаций.

Дело наше было трудное, так как такое противодействие и по отношению к нашей попытке не подлежало никакому сомнению. Мы устроили совещание с приехавшим из СПб Сергеем (Неманский) и поделили между собою функции таким образом. Ноах возьмет на себя объезд комитетов Юга, Сергей

поведет сношения с северными организациями. Я возьму на себя техническую подготовку съезда. Денежные средства от имени Петербургского Союза Борьбы обещал предоставить в достаточных размерах Сергей.

Мы решили созвать съезд все в том же Белостоке. Мы отдавали себе полный отчет в опасности, которой мы подвергаем нашу резиденцию, так как помнили Бундовский провал 1898 г. в связи с созывом *первого* съезда Партии в Минске. Вообще, у нас существовало убеждение, что всякая такая крупная встреча с российскими организациями, в недрах которых скрывается немало провокаторов, даром пройти не может. Тем не менее все таки пришлось остановиться на Белостоке, так как только здесь под личным нашим наблюдением можно будет принять все необходимые предосторожности, и если только члены съезда не наташат с собой слишком много филеров, то он сможет благополучно пройти с внешней стороны.

Ноах отправился в объезд в январе 1902 года. Эту миссию он соединил с обследованием бундовских организаций Юга согласно конспиративной резолюции IV съезда. Эту вторую миссию один из тогдашних деятелей «Южного Рабочего» шуточно назвал недавно в разговоре со мною «империалистической», так как целью ее «было завоевание Юга».

Я взялся за оборудование помещения для съезда. К сожалению, денежные средства, данные СПб, оказались гораздо мизернее, чем были обещаны. Поэтому пришлось значительно сократить размах при найме и мебелировке квартиры. Быть квартиронанимателями согласились не без колебаний кожевник Алтер из Бердичева и портниха Этка, под видом его жены. Главной неприятной стороной тут была перспектива на 1 1/2–2 месяца отказаться от местной работы и от принятия гостей для того, чтобы об этой квартире никто не знал и чтобы она была защищена от взоров шпионов. Они разыскивали более или менее подходящую квартиру из 3 комнат, с удобным расположением на одной из боковых улиц, вне еврейских рабочих кварталов. Мы с Анной оправились, под видом родственников Алтера, на нее взглянуть и нашли ее годной, исходя из того, что более 15–16 делегатов, вероятно, не соберется.

Денег было недостаточно. Выложить свои было невозможно – Бунд, ведь, был бедной, хотя и веселой организацией. Пришлось ограничиться самой скромной мебелировкой из нескольких столов, кроватей, шкафов и т.п. Всего этого было мало для «обывательской» четы, снимающей «приличную» квартиру из 3 комнат с кухней, и Этка чувствовала себя весьма несчастной в тот момент, когда она въехала во двор на глазах домохозяина и жильцов с таким жалким *לולללל'ש'ק'ט*. Уважение к ней со стороны хозяина, наверное, упало тогда на три четверти, и она долго не могла успокоиться.

До последней возможности не сообщалось никому ни срок съезда, ни город, ни явки. В начале марта я съездил в СПб для выяснения положения дел. Тогда же мне пришлось побывать на Казанской демонстрации 4 марта, присутствовать при диких сценах избиения студентов (били все в затылок) и тут же отправил описание демонстрации в Лондон в нашу заграничную типографию для «Последних известий». Ноах благополучно вернулся из объезда.

В назначенное время стали съезжаться делегаты. Около 22 марта приехал к нам Аркадий Кремер из Лондона от Заграничного Комитета Бунда и мы

отвели его на квартиру съезда. По указанным явкам приехали и другие делегаты. В субботу 24 марта явился к нам на квартиру Михаил Коган, приехавший от «Союза С.Д. Заграницей» с голландским паспортом. Он зашел было с вокзала по данной ему явке к акушерке Соне Лейбович, но не застав ее дома, направился к нам. Уже через час мы убедились что у наших ворот стоит шпик. Это было зловещим мало обещающим симптомом.

Когда Анна уводила приехавшего из Нижнего Новгорода делегата от места явки на квартиру съезда, за ними следовал шпион, от которого она с трудом освободилась.

Всего оказалось 10 делегатов: от Петербургского Союза Борьбы Сергей и д-р Краснуха. От «Южного Рабочего» Осип Коган (Ерманский), от Екатеринославского Комитета Федор Шипулинский, от Нижнего Новгорода товарищ, которого не знаю фамилии, от «Искры» Федор Гурвич (Дан), от «Союза Русс. С.Д. Заграницей» Михаил Коган, от Загр. Комитета Бунда – Аркадий Кремер и от Ц.К. Бунда Ноах и я*. Это было весьма солидное для российских условий и данного момента собрание (в феврале были повсюду многочисленные аресты), но все таки недостаточно для съезда Российской Партии. Поэтому мы без больших возражений согласились на предложение Дана назвать себя лишь конференцией (такой мандат был ему дан «Искрой»). О том, как проходили работы конференций я поделюсь с читателями как-нибудь в другой раз, так как я безмерно вышел бы из отведенных мне рамок.

Конференция внутренне прошла вполне благополучно. Обсуждали вопросы мирно и деловито. Приняли текст майской прокламации, предложенный «Искрой», внеся туда ряд исправлений. Избрали Организационный Комитет для созыва 2-го съезда, в который вошли Дан, Ерманский, Ноах.

В четверг Михаил Коган уехал на вокзал и тут же был арестован.

¹ רעדנאסקעלא (идиш) – Александр.

² Це слово, на жаль, не вдалося перекласти. Можливо, це єврейський жаргонізм, використання якого в якості ключа мало ускладнити розкриття нового шифру.

³ קרוגרעטעפ (идиш) – Санкт-Петербург.

⁴ רעטעבראָ עמיטש (идиш) – «Робітничий голос».

⁵ רעד רעקעו (идиш) – «Будильник».

⁶ רעד רעפמעק (идиш) – «Борець».

⁷ Соціал-демократична газета, що видавалася Катеринославським комітетом РСДРП у 1900–1903 рр. Виступала проти лєнінського централістського плану формування партії, відстоюючи принцип на основі обласних об'єднань.

* Пользуюсь случаем исправить неточность в изложении у Мартова в его вышедшей в 1918 г. «Истории русской С.Д.». Он называет только 6 делегатов, не упоминая о Кремере, Ноахе (Портном), Шипулинском и делегате из Нижнего Новгорода. Сергея Зельдова он ошибочно называет делегатом Ц.К. Бунда.

The continuation of memories of Bund Central Committee member is published. On the basis of the documents of the Bund Central Committee and the memories of other members of this organization, M. Rafes's authorship was denied. In the given part of the document attention is paid to encryption of correspondence, transportation of literature, organization of cooperation with local parties. The author also dwells on cooperation with other revolutionary organizations: Polish Social-Democracy and the Socialist-Revolutionary Party.

Key words: Bund; encryption; social democracy; labor movement.

181

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

947
K 290.8-9,28.

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО- РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Ф. Я. КОНА

68-П

КНИГА СОРОК ПЯТАЯ
СОРОК ШЕСТАЯ

28009
73850

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

ОБЩАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ

МОСКВА
1928

Для book-olds.ru

СОДЕРЖАНИЕ.

К 25-летию 2-го с'езда Р. С.-Д. Р. П.

Отдел I. Из истории революционного движения.

	<i>Стр.</i>
И. Н. Мошинский (Юз. Конарский). Из эпохи 2-го с'езда (1900—1904 г.г.)	7
И. Ткачуков. Охранка и 2-й с'езд партии	28
Гершанович. Из записной книжки партийного техника	33
П. Розенталь. Воспоминания о Белостокской конференции Р. С.-Д. Р. П.	47
П. Н. Полонский. Социал-демократическая организация в Казани в конце 1903 г.	50
И. Годлевский. Из воспоминаний о первом «Уральском рабочем союзе»	56
С. Козлов. Страница из революционного движения Роменщины (Памяти М. К. Владимирова)	60

К 50-летию процесса И. М. Ковальского в Одессе.

С. Е. Лион. Первая вооруженная демонстрация (По личным воспоминаниям и архивным материалам)	64
Ц. Мартыновская. И. М. Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе (По черновым наброскам С. И. Мартыновского)	81
Г. М. Кофф. К делу о первом вооруженном сопротивлении в Одессе в 1878 г. (Материалы к делу И. М. Ковальского)	100
М. М. Константинов. Двадцать лет назад (Ликвидация последнего Иркутского комитета периода движения 1905 г.)	110

Отдел II. Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция.

Феликс Кон. На поселении в Якутской области (Продолжение)	129
И. Имас. Путь в эмиграцию	142
М. Поляков. Воспоминания о колымской ссылке (1889—1896)	158
С. Н. Чернов. Одна из загадок Петропавловской крепости	173
Д. Надельштейн. Бутырские очерки (Продолжение)	195

Отдел III. Лики отошедших.

Н. Гусева-Архипова. Александр Иванович Гусев	203
А. А. Кункль. Василий Дмитриевич Кленов (1855—1912)	214
П. Маленькая заметка об Ив. Ал. Худякове	218

	Стр.
М. Клевенский. Материалы об И. А. Худякове	221
К. и М. Казаковы. Памяти П. Ф. Казакова	232
И. Агейкин. Памяти Романа Андреевича Ганжи (1885—1919)	234
Н. М. Торонченев. Светлой памяти А. Т. Филатова	238
И. Попов. Александр Васильевич Гедеоновский	242

Отдел IV. Библиография.

Н. Чужак. Живой человек истории. «Михаил Лакин». Сборник воспоминаний и материалов	248
Ю. Г. Оксман. М. Яворський. Нариси з історії революційної боротьби на Україні. Том перший; И. Рыбаков. Та же книга; Б. Горев. Материалы для биографии М. Бакунина. Том III; М. Клевенский. Николай Морозов. Из эмиграции в заточение. Повесть моей жизни. Том второй. С оружием в руках. Том третий; Б. Н—ский. «Рабочий», газета партии русских социал-демократов (благоевцев); Б. Н—ский. Д. Благоев. Мои воспоминания; С. Валк. У. В. Marchlewski. Szkice literackie; — и н. Мурановский сборник. Вып. I; Б. К. Софья Ковалевская. Нигилистка. Роман; И. М. Картавцов. Труды государственной публичной библиотеки в Одессе. Серия IV. Библиография. Материалы к библиографии революционного движения в Одессе	253

Отдел V. Хроника.

Из жизни общества.

Информационное письмо № 1	270
Общество политкаторжан и пенсионная помощь. Л. С.	278
Народовольческий кружок. К. Терешкович	281

Письма в редакцию.

В. Н. Катина-Ярцева, С. Никонова, И. Жуковско-го-Жука, М. М. Бирмана, И. и Б. Игельстром	282
--	-----

К настоящему номеру приложены:

1) 2 таблицы портретов: А. Скрынников, Я. Драбкин, Л. Лиманов, М. Балабанов, Д. Нейфельд, А. Локсман, М. Эйшискин (стр. 16—17) и М. К. Владимиров, А. В. Гедеоновский, В. Д. Кленов, А. Т. Филатов (стр. 240—241).

2) 3 листа «Революционное движение в России. XVII—XX в.в. Систематич. указатель литературы, вышедшей в 1926 г.

Воспоминания о Белостокской конференции Р. С.-Д. Р. П.

Успех IV с'езда «Бунда», оставшегося неизвестным департаменту полиции, приободрил нас, Ц. К., и мы уже предполагали, что в силах будем созвать с'езд Р. С.-Д. Р. П., собрать рассыпанные обломки все-российской социал-демократической организации, которая исчезла тотчас, как родилась, и продолжала существовать, как некоторые иронизировали, лишь на развалинах социал-демократических изданий. Нам казалось, что если нам удастся осуществить то, что до сих пор никому, несмотря на все попытки, не удавалось, если с'езд пройдет благополучно и будет избран об'единенный руководящий центр—авторитетный центральный комитет, быть-может, тогда, наконец, образуется единый социал-демократический фронт, установится мир между враждебными течениями, и атмосфера фракционной борьбы очистится.

Подобную попытку созыва с'езда Р. С.-Д. Р. П. сделал в 1900 году «Союз русских социал-демократов». Он послал в Россию для об'езда социал-демократических организаций своих членов — «Тимофея» (Копельзона) и П. Теплова. Вместе с ними работал представитель «Южного Рабочего» А. Гинзбург. С'езд должен был состояться в Смоленске, но эта попытка не удалась. В 1901 году с той же целью вторично об'езжал комитеты Михаил Коган (Гриневич), но везде он встречал противодействие со стороны «искровских» организаций. Мы взяли на себя очень тяжелую задачу, так как не было сомнений, что наша попытка встретит те же препятствия.

На совещании с «Сергеем» (Неманским), приехавшим из Петербурга, мы распределили между собою работу следующим образом: «Ноах» (Портной) взял на себя об'езд южных комитетов, «Сергей» должен был связаться с северными организациями, мне поручена была техническая подготовка с'езда. Денежные средства в необходимом размере «Сергей» обещал достать в «Союзе борьбы».

Мы решили созвать с'езд Р. С.-Д. Р. П. в Белостоке. Мы отдавали себе ясный отчет в том, какую опасность это представляет для центра бундовской организации, и помнили массовые провалы в 1898 г.

в связи с I съездом в Минске. Не было сомнений, что каждая встреча многих делегатов социал-демократических организаций, в которых имелось достаточно провокаторов, нам дорого обойдется. Тем не менее пришлось избрать Белосток, так как только здесь, под нашим личным наблюдением, можно было принять необходимые меры предосторожности. Мы надеялись, что, если сами делегаты не привезут с собой филеров, съезд с внешней стороны пройдет благополучно.

«Ноах» отправился в свое путешествие в январе 1902 года. Свою миссию он соединил с обследованием бундовских организаций согласно конспиративной резолюции IV съезда. Недавно в разговоре со мной один из тогдашних работников «Южного Рабочего» эту миссию «Ноаха» назвал «империалистической», так как она имела своей целью «завоевать юг». Я занялся устройством квартиры для съезда. К сожалению, денежные средства, которые дал Петербург, были значительно меньше того, что было обещано. Поэтому пришлось нанять небольшую квартиру и бедно ее меблировать. Щетинщик Алтер из Бердичева и портниха Этка после некоторых колебаний согласились взять на себя роль хозяев квартиры. Особенно им было неприятно то, что приходилось месяца на два совершенно отойти от местной бундовской работы и не принимать гостей, чтобы не провалить квартиру. На окраине, вне еврейских кварталов, они подыскали более или менее подходящее помещение из трех комнат. Я с Анной Розенталь в качестве родственников Алтера осмотрели ее и нашли вполне подходящей, рассчитывая, что делегатов будет, вероятно, не больше 15—16. Денег было мало, своих не было возможности дать,—«Бунд», действительно, был веселой, но бедной организацией. Пришлось ограничиться очень бедной мебелью из нескольких столов, кроватей, шкафов и т. д. Всего этого было мало для зажиточной семьи, снимающей «солидную» квартиру из трех комнат и кухни, и Этка чувствовала себя чрезвычайно скверно, когда, в присутствии домовладельца и соседей, она с такой бедной обстановкой переехала на новую квартиру. Уважение к ней со стороны домовладельца, несомненно, упало на три четверти, и она долго не могла успокоиться.

До самого последнего момента никому не сообщали ни времени съезда, ни города, ни «явки». В начале марта я уехал в Петербург, чтобы выяснить, как обстоит там дело. Мне пришлось быть на демонстрации у Казанского собора и видеть дикие сцены избиения студентов. Я послал описание Казанской демонстрации в Лондон, в наш заграничный орган «Последние Известия».

«Ноах» благополучно возвратился из объезда южных организаций. К назначенному времени начали съезжаться делегаты. В субботу, 24 марта, ко мне на квартиру пришел Михаил Коган, делегат «Союза русских социал-демократов». Он приехал по паспорту какого-то голландца. С вокзала Коган отправился на «явку» к акушерке Соне Лейбович. Не застав ее дома, он зашел ко мне. Через час я заметил, что у моей квартиры стоит филер. Это было дурное предзнаменова-

ние. Когда Анна Розенталь отвела нижегородского делегата с «явки» на квартиру, где заседал с'езд, их сопровождал филер, от которого она с большим трудом освободилась.

Всего было десять делегатов: от Петербургского «Союза борьбы» — «Сергей» и д-р Краснуха, «Южного Рабочего» — Ерманский, Екатеринославского комитета — Ф. Шипулинский, Нижнего-Новгорода — товарищ, фамилию которого я не помню, «Искры» — Ф. Дан, «Союза русских социал-демократов» — Михаил Коган (Гриневич), Заграничного комитета «Бунда» — Арк. Кремер и Центрального комитета «Бунда» — «Ноах» и я.

В тогдашних русских условиях, особенно, если принять во внимание происшедшие всего лишь в феврале большие аресты, это было очень солидное собрание, но все же этого было недостаточно для с'езда Р. С.-Д. Р. П. Поэтому мы без больших споров приняли предложение Ф. Дана признать себя конференцией (такой мандат дала ему «Искра»).

Конференция прошла хорошо. Вопросы обсуждались дружелюбно и содержательно. Утвердили текст первомайской прокламации, предложенный «Искрой», внося в него целый ряд исправлений, и выбрали Организационный комитет для созыва II с'езда Р. С.-Д. Р. П. в составе: Дана, «Ноаха» и Ерманского.

В четверг должен был уехать Михаил Коган, но на вокзале он был арестован. Я об этом узнал в субботу вечером, 31 марта. «Ноах», который в этот момент был у меня, быстро ушел, захватив с собой важнейшие бумаги, в том числе исправленный текст первомайской прокламации, принятый конференцией.

В эту же ночь арестовали меня и Анну Розенталь и отослали в Гродненскую тюрьму. Затем были арестованы некоторые «явки»: Ция Белох, Соня Лейбович и случайно Х. Мунвес и хозяин его квартиры. Помещение, где заседала конференция, не было прослежено, и «охранка» о ней не знала. Ерманского арестовали где-то на юге, кажется, в Ростове, Дана — в Москве, Зельдова («Сергея») — через полгода в Петербурге. «Ноах», Аркадий Кремер, Краснуха, Шипулинский и делегат от Нижнего-Новгорода счастливо избежали нашей участи.

Так наш праздник кончился бедой (Roiter Pincos, т. I).

Перевод с еврейского языка *Н. А. Бухбиндер*.